

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.176-201>

УДК 342.31:342.5:334:658.1

Э. Л. РУБИН¹

¹ Университет Вандербилта, г. Нэшвилл, шт. Теннесси, США

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ДЕМОКРАТИИ НА КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ДАЛЕЕ: ТЕОРИЯ НАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Эдвард Л. Рубин, профессор права и политологии, университет Вандербилта
E-mail: ed.rubin@vanderbilt.edu

Аннотация

Цель: проведение комплексного анализа влияния принципов демократического правления в государстве на корпоративное управление.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: в настоящей статье дается иное обоснование корпоративной демократии, основанной на принципе эквивалентности, а не аналогии. Эквивалентность состоит в том, что отдельный гражданин во многом одинаково воспринимает субординацию независимо от того, исходит ли она от государственного или частного субъекта. В политической системе демократия противостоит субординации через политическую автономию, предоставляемую каждому в виде права голоса, позволяющего контролировать властные структуры. По тому же принципу лица, зарабатывающие на жизнь своим трудом, должны, как мы считаем, контролировать институты, на которые они работают. Таким образом, демократические нормы, перенесенные в экономическую сферу, означают, что человек не должен зарабатывать себе на жизнь на условиях, определяемых другими людьми. Это положение можно назвать принципом народного экономического суверенитета.

Научная новизна: в работе впервые делается вывод о том, что современное понимание как государства, так и корпорации возникло из средневековой доктрины корпоративизма. Та же самая доктрина породила идею представительства, которая позволила отдельным лицам, не будучи лидерами структурированной иерархии, участвовать в принятии государственных решений; эта идея, несомненно, является одним из величайших достижений западной политической мысли. Представительство стало тем механизмом, с помощью которого утвердилось демократическое управление. По мере развития демократии объем представительства увеличивался, включив всех дееспособных взрослых людей. Эту расширенную концепцию представительства можно распространить на трудовые отношения, что послужит тем же целям, что и на политической арене, – личной автономии и противодействию угнетению. Корпорациями будут управлять советы, состоящие из членов, выбранных работниками; мелкие компании и индивидуальные предприниматели должны будут нанимать сотрудников на биржах труда, которые будут также управляться работниками.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с теорией народного экономического суверенитета.

Ключевые слова: демократия, народный экономический суверенитет, доктрина корпоративизма

© Рубин Э. Л., 2022. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<http://rusjel.ru>) 25.03.2022

© Rubin E. L., 2022

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале University of the Pacific Law Review. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала: mgibney@pacific.edu.

Цитирование оригинала статьи на английском: Edward L. Rubin, *Extending Democracy to Corporate Governance and Beyond: A Theory of Popular Economic Sovereignty*, 53 U. Pac. L. Rev. 39 (2021).

URL публикации: <https://scholarlycommons.pacific.edu/uoplawreview/vol53/iss1/8/>

Благодарности: автор выражает благодарность Роберту Эшфорду [Robert Ashford], Маргарет Блэр [Margaret Blair], Роберту Куттеру [Robert Cooter], Эрику Ортсу [Eric Orts] и Рэндаллу Томасу [Randall Thomas] за помощь в подборе информации о корпоративном управлении и идеи, нашедшие отражение в данной статье.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Рубин Э. Л. Распространение принципов демократии на корпоративное управление и далее: теория народного экономического суверенитета // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 176–201. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.176-201>

The scientific article

E. L. RUBIN¹

¹ *Vanderbilt University Law School, Nashville, TN, USA*

EXTENDING DEMOCRACY TO CORPORATE GOVERNANCE AND BEYOND: A THEORY OF POPULAR ECONOMIC SOVEREIGNTY

E. L. Rubin, University Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University
E-mail: ed.rubin@vanderbilt.edu

Objective: to carry out a comprehensive analysis of the impact of democratic governance principles in a state on corporate governance.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: the article proposes a different rationale for corporate democracy based on an equivalence, not an analogy. The equivalence is that subordination feels essentially the same to an individual whether a public or a private entity carries it out. In the political system, democracy counteracts subordination by giving everyone political autonomy, an independent voice in controlling the power structure. By the same reasoning, those who work for a living should arguably control the institutions for which they work. Thus, the norms of democracy, when translated into the economic realm, yield the principle that people should not work for their livelihood on terms another person establishes. This can be called the principle of popular economic sovereignty.

Scientific novelty: for the first time, the work makes a conclusion that the modern understanding of both the state and the corporation developed from medieval corporatist thinking. This same mode of thought generated the idea of representation that enabled individuals who were not leaders of a structured hierarchy to participate in state decisions, certainly one of the great insights of Western political thought. Representation became the mechanism by which democratic government was instituted. As democracy developed, the scope of representation expanded to include all competent adults. This same expanded concept of representation can be extended to employment relations and would serve the same purposes as it serves in the political arena – individual autonomy and opposition to oppression. Corporations would be controlled by boards elected by the workers; small employers and individuals would be required to hire employees from labor exchanges run by the workers who are being provided. This proposal, although it sounds radical and impractical, could rather easily be implemented for both major corporations and all other employment relationships as well, and might well be more economically efficient than current modes of economic organization, as well as being more fair to the workers.

The article was first published in English language by University of the Pacific Law Review. For more information please contact: mgibney@pacific.edu.

For original publication: Edward L. Rubin, *Extending Democracy to Corporate Governance and Beyond: A Theory of Popular Economic Sovereignty*, 53 U. Pac. L. Rev. 39 (2021). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1>.

Publication URL: <https://scholarlycommons.pacific.edu/uoplawreview/vol53/iss1/8/>

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the theory of popular economic sovereignty.

Keywords: Democracy, Popular economic sovereignty, Corporatist thinking

Acknowledgements: The author thanks Robert Ashford, Margaret Blair, Robert Cooter, Eric Orts, and Randall Thomas for their assistance with the corporate governance information and ideas that are incorporated in this article.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Rubin, E. L. (2022). Extending Democracy to Corporate Governance and Beyond: a Theory of Popular Economic Sovereignty. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 176-201. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.176-201>

В настоящее время западные страны считают демократию единственным приемлемым режимом управления. Мы требуем демократии для страны в целом и для ее зависимых элементов, таких как штаты или провинции, города, а иногда и более мелкие и специализированные общественные образования. Поэтому естественным образом возникает вопрос, не следует ли применить ту же модель управления к корпорациям – важнейшим экономическим структурам нашего общества.

Рабочую демократию традиционно связывают с социализмом¹, при котором государство владеет средствами производства. Однако и в рамках капиталистической системы предлагаются варианты демократического управления корпорациями. В настоящее время такие варианты можно разделить на три основные категории. Первая – демократия работников, когда контроль над корпорацией полностью или частично осуществляется теми, кто в ней работает, а не ее владельцами². Вторая – демократия стейкхолдеров, когда все или некоторые решения принимаются теми, кто

напрямую зависит от корпорации, – это ее работники, а также субподрядчики, клиенты и связанные с ней организации³. Обе эти категории относятся к режимам корпоративного управления. Третья категория состоит в одном из вышеуказанных вариантов, но в этом случае понимается как способ, с помощью которого граждане могут участвовать в процессе управления и развить свои навыки такого участия в управлении общественными делами – в ситуации, когда широкое участие в общенациональном политическом процессе затруднено и, вероятно, нереалистично⁴.

При всех трех вышеуказанных подходах к корпоративному управлению взаимосвязь между политической демократией и корпоративным управлением остается неизменной. В первых двух категориях проводится аналогия между государственным управлением и управлением частным предприятием. Утверждается, что режим контроля или принятия решений, действующий в общественной сфере, можно перенести в частную сферу для достижения различных целей. Демократия в общественной сфере обосновывается как средство, позволяющее гражданам контролировать свое положение и избегать давления со стороны государства. В приложении к корпоративному управлению демократический процесс принятия решений предлагается в первом случае как средство достижения эффективности и повышения мотивации или удовлетворенности трудом. Во втором случае он рассматривается преимущественно как способ контролировать влияние корпорации на людей

¹ См., например, [1] (единой идеологией французского рабочего социализма была следующая: «Федералистский профсоюзный социализм, при котором средства производства находятся в коллективной собственности в рамках профессионального объединения»). См. в целом [2] (рабочая демократия была аргументом сопротивления давлению во время приватизации в Китае после 1980 г.); [3] (рабочая демократия предлагается в качестве основы социализма, сменяющего капитализм).

² [4. Рр. 114–134] (описываются примеры участия работников в управлении и программы управления). См. в целом [5] (обзор 43 работ, который показал, что большинство форм участия и контроля со стороны сотрудников повышают производительность труда).

³ См., например, [6–8].

⁴ См. в целом [9–11].

и лишь затем как средство повышения эффективности. В третьем случае проводится аналогия между индивидуальным поведением на рабочем месте и на политической арене. Таким образом, речь идет скорее о взаимоотношениях между личностями, чем между организациями, однако это все же аналогия.

В данной статье предлагается иное обоснование принципов корпоративного управления, а именно такое, которое охватывает все формы занятости. Оно основывается не на аналогии, а на эквивалентности. Эквивалентность состоит в том, что субординация воспринимается человеком практически одинаково, исходит ли она от государственной или частной структуры. В общественной сфере общепризнано, что она подрывает достоинство и независимость человека и приводит к потенциальному, а зачастую и реальному подавлению. Основываясь на этой эквивалентности, мы предлагаем иное обоснование корпоративного управления. Сторонники демократии в общественной сфере убеждены, что граждане страны должны осуществлять контроль над своим правительством. По той же причине работники должны, вероятно, контролировать те организации, в которых они работают. Таким образом, нормы демократии, перенесенные в область экономики, диктуют принцип, что люди не должны зарабатывать себе на жизнь по правилам, установленным другими людьми. Этот принцип можно назвать принципом народного экономического суверенитета.

Операциональный аргумент, который поддерживает это утверждение об эквивалентности между государством и корпорацией, является этиологическим. Оба указанных института в своей современной форме развились из средневековой доктрины корпоративизма. Оба они понимаются как юридические лица, структуры, способные к независимым действиям. Тем самым, они имеют одинаковую возможность доминировать и подавлять тех лиц, на которых распространяется их контроль. Чтобы дать этим лицам чувство независимости и защитить их от подавления, нужно создать из них отдельную юридическую структуру, которая сможет контролировать государство или корпорацию, будь то напрямую или – если государство или корпорация велики – через выбранных представителей.

В статье представлены пять этапов рассуждений. На первом этапе показано, что современное восприятие государства и корпорации берет начало

в средневековом корпоративном мышлении. Затем это же направление мысли породило идею представительства, позволившую лицам, не стоящим во главе структурированной иерархии, участвовать в принятии государственных решений. Далее представительство превратилось в механизм, устанавливающий демократическое управление. По мере развития демократии степень представительства расширялась, включив в себя все дееспособное взрослое население. Наконец, показано, что все та же расширенная концепция представительства может быть использована для описания корпораций и служить тем же целям, которым она служит на политической арене. В разд. I описываются два первых этапа: становление корпоративного мышления и концепции представительства в политике. Раздел II посвящен двум следующим этапам: использованию принципа представительства при демократии и расширению его границ. В разд. III показано, что эту расширенную идею представительства можно применить к корпорациям, поскольку их происхождение концептуально совпадает с происхождением государства. Автор приходит к выводу, что управляющей силой хозяйствующих субъектов в современном мире должны быть наемные работники, будь то напрямую или – что более типично – через выборных представителей. Этот принцип, который играет ту же роль на рабочих местах, какую демократия играет в политике, называется народным экономическим суверенитетом. На этом заканчивается теоретическая часть. В разд. IV показано, что предложение автора, хотя и выглядит достаточно радикальным и непрактичным, может быть применено как к крупным корпорациям, так и к другим типам трудовых отношений.

I. Теоретические основы народного экономического суверенитета

Для понимания может быть чрезвычайно важно посмотреть свежим взглядом на то, что давно кажется само собой разумеющимся. Это справедливо и для государства, и для бизнес-корпорации. Возможно, у предшественников западной цивилизации и были различные варианты организации этих структур, но их современные формы берут свое начало от так называемого готического периода, который гуманисты эпохи Возрождения ассоциировали с неграмотными варварами. Этот широко распространенный взгляд ничем не подкреплен. Эпоха готики, или Средневековья,

была одним из самых творческих периодов в истории человечества⁵, и два ее величайших достижения – концепции государства и корпорации. Эти концепции явились продуктом одного и того же теоретического прорыва и поэтому тесно связаны друг с другом на глубинном уровне, а не просто на уровне аналогии.

Как поясняет Ernst Kantorowicz, в эпоху раннего Средневековья люди считали евхаристический хлеб мистическим телом Христа (*corpus mysticum*), а Церковь – истинным телом Христа (*corpus verum*) [14. Рр. 195–197]. Это последнее понятие выводилось в средневековом обществе из представления, что то, что мы сейчас называем организациями, – это группы людей, объединенных эмоциональными узами – связями, основанными на их чувствах друг к другу. Экономические организации были предприятиями, которые управлялись семьями, связанными биологическим родством или узлами брака, а также привязанностью между членами⁶. Политические организации представляли собой город, которому все его жители были верны [17; 18. Рр. 1236–1262], или королевство, целостность которого обеспечивалась верностью монарху. В ответ на споры XI в. о пресуществлении церковь стала считать хлеб реальным телом Христа (*corpus verum*). Таким образом, идея о мистическом теле Христа стала пониматься как описание Церкви – описание, которое соответствовало различным теоретическим тенденциям того времени и одновременно продвигало эти тенденции⁷.

При описании организации в качестве мистического тела она приобретает отдельную идентичность; она становится самостоятельной сущностью, способной к действию. Как только Церковь определили в этих терминах, государство, которое в Средние века соперничало с ней за власть, также стало возможно определять таким образом. Оно также стало *corpus mysticum*, но как преимущественно политический институт. Мистическое стало юридическим – оно по-прежнему было отдаленно связано с религиозными концепциями, но все больше становилось светским по мере того, как монархии превращались в более централизованные и обростали персоналом, офици-

альными документами и другими признаками администрации. Результатом стало, по словам Kantorowicz, «обозначение характера корпорации как ‘фиктивного’ или ‘юридического’ лица» [14. Р. 209]. В XII в. Иоанн Солсберийский обратился к известной аналогии между обществом и человеческим телом, в котором правитель ассоциируется с головой, военные и государственные чиновники – с руками, а крестьяне – с ногами [20]. Теперь, однако, это воображаемое существо представлялось в виде функционирующего единства – «политического тела», главой которого является король как юридическая, т. е. бессмертная, функция, а не личность. Kantorowicz цитирует мысль итальянского юриста XIV в. Луки да Пенне о том, что «люди морально и политически объединяются в республике, которую возглавляет суверен» [14. Р. 216]. Наглядным изображением этой концепции является знаменитый фронтиспис «Левиафана» Гоббса, на котором показан монарх, чье тело составлено из множества тел его подданных, поднимающийся над страной с мечом и скипетром в руках⁸.

Когда и церковь, и государство начинают восприниматься как юридические лица – отделенные от составляющих их людей, а значит, свободные от смертности, присущей их физическим телам, – открываются возможности для создания других таких же бессмертных объектов. С тех пор как германские завоевания положили конец централизованной власти Рима в Европе, короли возникающих государств жаловали права на управление своим сторонникам и союзникам, обычно в форме предоставления земель, что сформировало феодальную систему⁹. Начиная с XII в., когда развитие торговли и производства начало превращать феодализм из системы управления в церемониальную систему¹⁰, монархи зарождающихся национальных государств стали выпускать хартии для групп людей, которые создавали это важнейшее экономическое развитие или создавались им. В частности, были выпущены юридические хартии, устанавливающие семейные предприятия или деловые партнерства как первые корпорации¹¹. В то же время появлялись хартии городов как растущих центров

⁵ См. в целом [12, 13].

⁶ См. в целом [15. Рр. 1–12; 16].

⁷ [14. Рр. 197–208]; см. [19. Рр. 351–390] (обсуждается движение за Григорианскую реформу как основной тренд).

⁸ [21] (репродукция оригинального фронтисписа 1651 г.).

⁹ См. [22. Рр. 145–210; 23. Рр. 141–156]. См. в целом [24].

¹⁰ См. в целом [25. Рр. 950–1350; 17. Рр. 49–67].

¹¹ См. [26. Рр. 88–91]. См. в целом [27].

коммерции [28. Рр. 950–1350; 26. Рр. 92–129; 29. Рр. 87–114, 141–157; 17. Рр. 35–48]. И тот и другой тип хартий создавал структуры, обладавшие статусом юридического лица, *corpus mysticum*, при этом юридические характеристики заняли место мистических [27. Рр. 199–217].

В тот период оппозицию централизованной власти монархов составляли две силы: католическая церковь и аристократия. Церковь, несмотря на довольно отчаянные попытки сохранить свое влияние путем организации крестовых походов¹², быстро теряла его благодаря появлению университетов. Их выпускники – преимущественно юристы – могли противостоять существовавшей тогда монополии церкви на грамотных чиновников. Кроме того, различные территориальные захваты и распады приводили к появлению солдат (преимущественно наемных), которые воевали за деньги, а не за веру. Попытки церкви контролировать назначение священников повысили авторитет папства на короткий срок, однако вызвали титаническую борьбу с монархами, которая с течением времени ослабляла власть церкви¹³. В результате церковь сама способствовала возникновению Великого раскола, который в основном положил конец возможностям церкви противостоять монархам¹⁴ и стал предвестником дальнейшего краха ее влияния в эпоху Реформации¹⁵.

Аристократия оказалась сильнее. Ее военная мощь быстро угасала по мере того, как монархи обращались к наемникам, обладавшим большей мощью на поле боя, и организовывали артиллерию, которая могла сокрушить их замки. Аристократия дольше удержи-

вала рычаги местного управления, поскольку владела сельскохозяйственными угодьями, но постепенно и эта власть перешла в руки королевских органов управления, состоявших из тех же выпускников университетов [38; 39. Рр. 257; 40. Рр. 29; 41. Р. 3]. Однако у аристократии оставался еще такой ресурс, как закон и традиции, что в данном случае оказалось более надежным, чем сталь, камни или земля. Феодализм явно склонялся к упадку, но аристократы, чьи боевые схватки свелись в основном к турнирам, защищали свои абстрактные права и привилегии с неугасимым пылом [22. Рр. 320–331].

В период централизации монархий корпоративизм стал для них эффективным ответом на юридические и обычные права аристократии. Одной из причин успешного удержания позиции и привилегий аристократии было то, что ее статус основывался на том же источнике, что и у монархии, а именно контроле над землей. Однако корпоративные хартии, выпускавшиеся монархами для торговых и производственных организаций, создали юридические структуры, чьи владельцы и управляющие строили свое богатство на менее благородных занятиях; это ставило их общественный статус в зависимость от монарха. Города, получившие хартию от монарха как корпоративные структуры, также оказывались выведены из феодальной системы, а значит, также зависели напрямую и исключительно от монарха. В Священной Римской империи, где хартии распространили свое влияние на восток и способствовали появлению Ганзейских портов, была поговорка: «Городской воздух дает свободу» [15. Р. 4; 42. Р. 343]. Это не было намеком на сибаритский или анонимный образ жизни в городах, а отражало тот факт, что крепостные, проведя более одного года в городе, получали независимость от своих феодалов и становились прямыми подданными короля.

Свободные жители городов и других территорий, получивших хартии, в дальнейшем развили принцип политического представительства. Феодальные законы и обычаи давали королям различные источники дохода, которые могли иносказательно называться карукаж, передача земли в обмен на вечное поминовение, скутагий (налог за освобождение от военной службы), пошлина в пользу сюзерена и меркет (налог при выдаче дочери замуж), но все они оказались бесполезными в отношении юристов, управленцев,

¹² См. в целом [30].

¹³ См., например, [19. Рр. xvi–xx, 374–390] (объясняется ситуация борьбы за инвеституру как конфликт императора Генриха IV и папы Григория VII о назначениях высших священников); [31. Рр. 105–236; 32. Рр. 154–173] (обсуждается конфликт короля Иоанна Безземельного с папой Иннокентием III относительно назначения Стефана Лэнгтона архиепископом Кентерберийским).

¹⁴ См. в целом [33; 34. Рр. 297–331; 35]. Великий раскол заключался в отделении Восточной православной церкви от Римско-католической церкви в 1054 г. В свою очередь, Великий западный раскол, который продолжался с 1376 по 1417 г., состоял в соперничестве Рима и Авиньона по поводу папской власти; в целом общепризнано, что он подорвал положение церкви как института в глазах народа.

¹⁵ См. в целом [36, 37].

солдат, которые нужны были для централизации государства. Обойти эти ограничения и установить новые налоги короли могли только с согласия тех, кто будет эти налоги платить¹⁶. Такое согласие должно было быть получено от всех трех сословий, на которые подразделялось общество, – духовенства, аристократии и простого народа¹⁷. Запрос на такое согласие, хотя и не предполагавший обязательного согласия, было несложно сделать в отношении духовенства, организованного по принципу строгой иерархии с четко обозначенными лидерами. Аристократия также имела свою иерархию в рамках феодальной системы, и лишь относительно небольшое число аристократов были непосредственными вассалами короля (главными владельцами лена). В Англии во время подписания Великой хартии вольностей в 1215 г. таких было всего 25, и, вероятно, именно о них – и уж точно не о малом жюри присяжных – говорится в знаменитой главе 39, в которой король Иоанн обещает не подвергать суду или наказанию никого из подписавших данную хартию «иначе как по законному приговору равных ему» [49. Рр. 448, 461].

Сложнее было получить согласие третьего сословия – свободных людей, которые проживали в городах, получивших королевскую хартию, или владели собственными наделами земли. Эта часть общества быстро росла по мере возрождения торговли и, соответственно, богатела. Но как получить согласие этой обширной, разбросанной и неиерархической группы? Со временем было выработано решение: они должны были собираться на местах и выбирать из своей среды представителей, которые затем присоединятся к духовенству и аристократии в советах или собраниях для одобрения дополнительных налогов. Ученые определили, что процесс выбора гражданами своих представителей был заимствован из римского граж-

данского права, в частности, положение *Quod omnes tangit, ab omnibus approbetur*: «То, что затрагивает всех, должно быть одобрено всеми» [50. Рр. 61–67; 51. Рр. 97–133; 52; 53].

В тот период появлялось множество комментариев к римскому праву [54–55], поэтому неудивительно, что такое положение было концептуально понятно людям. Однако без развития корпоративистского мышления его нельзя было перенести из области гражданского права в область управления налогами. Группа лиц, избиравшая и одобрявшая своего представителя, должна была восприниматься как юридическое лицо, как субъект, уполномоченный на такие действия. Представитель должен был восприниматься как некто, действующий от имени юридического субъекта, выражающий коллективное согласие этого субъекта так же, как это делает церковь – *corpus mysticum* – или небольшая группа высшей аристократии. Это было огромным шагом вперед по сравнению с Древней Грецией или Древним Римом¹⁸.

Бизнес-корпорации пошли по несколько иному, хотя и родственному, пути. Здесь концепция представительства также оказалась полезной, но это было представительство капиталовложений, а не отдельных людей. Королевская хартия могла передать конкретный рынок отдельному лицу или группе лиц, тем самым создавая корпоративную единицу, во многом так же, как король жаловал «надел» для управления королевской собственностью, сбора налогов на определенной территории или сбора войска для военных целей. Со временем образовались более крупные предприятия, требующие капитала, который они получали от выпуска акций – долей в прибылях предприятия. Поскольку эти предприятия воспринимались как юридические лица, способные действовать автономно, постольку они могли управляться выборными представителями акционеров [55; 27. Рр. 146–199]. Эта организационная структура не является демократией, она фактически предшествовала демократии на протяжении нескольких веков. Однако она вышла из того же, что и демократия, концептуального источника в корпоративистском мышлении Средневековья.

¹⁶ См. в целом [43. Р. 473; 44. Р. 449].

¹⁷ По такому принципу были организованы французские Генеральные штаты. См. в целом [45] (описывается последнее заседание Генеральных штатов перед Французской революцией и обобщаются предшествующие события). В английском Парламенте духовенство и аристократия заседали вместе в Палате лордов, тогда как представители народа заседали отдельно. См. [46]. В Средние века люди в целом воспринимали общество как состоящее из этих трех сословий. См. [47; 48; 18. Рр. 236–237]. Их часто называли терминами *oratores, bellatores* и *laboratores* – те, кто молится, кто сражается и кто работает.

¹⁸ См. [56. Рр. 293–298] (описывается история демократии с фокусом на Древней Греции).

II. Представительство как механизм экономического народного суверенитета

Как следует из вышесказанного, политическое представительство развилось не как один из элементов демократии. Напротив, с его помощью монархи стремились расширить свою власть, получить экономические ресурсы, которые были нужны им, чтобы пошатнуть влияние церкви, подавить аристократию и, конечно, вести войны друг против друга¹⁹. Во Франции и Испании этот инструмент был незначительным благодаря абсолютизму XVI–XVII вв., когда монархи могли отбросить всякие ограничения своей власти со стороны феодалов и назначать такие налоги, которые были способны вынести экономики и население их стран²⁰. В Англии, однако, представительство расцвело, и попытки Стюартов насадить абсолютизм закончились переворотом со стороны Парламента – представительного собрания²¹. За ним последовала диктатура, восстановление монархического правления Стюартов, еще одна революция [62–64], а затем постепенное расширение роли Парламента в управлении²². К концу XVIII в. этот процесс привел к появлению режима, который мы теперь называем демократией и который быстро переняли революционные правительства во Франции и в только что образованных Соединенных Штатах.

Таким образом, политическое представительство, хотя и возникло как инструмент централизации монархии, развилось в Англии в демократическую систему, которая затем была заимствована Францией и Соединенными Штатами в ходе демократических

революций. К началу XIX в. представительство стало важным, а возможно, и определяющим свойством демократического управления по мере распространения этого типа управления в западном обществе.

Еще раз подчеркнем, что это было важнейшее достижение. Такой подход был неизвестен древнегреческой демократии, которая, несомненно, является главной предшественницей нашей нынешней политической системы. В Афинах политика определялась собранием всех граждан – сейчас мы называем это прямой демократией, в отличие от представительской; чиновники выбирались по жребию²³.

Фактически крах Римской империи можно объяснить – по крайней мере частично – ее неспособностью создать систему представительства, объединяющую население ее огромной территории с центральным правительством.

Как только представительство стало средством установления демократического правления в современных западных странах, объем избирательных прав стал предметом ожесточенных споров. Во время перехода к демократии в Британии многие члены Палаты общин происходили из крошечных округов, которые назывались карманными округами, потому что голоса горстки живущих в них избирателей находились в распоряжении местного магната, или гнилыми округами, потому что этот магнат обеспечивал себе их поддержку с помощью различных форм взяточничества [72. Рр. 29–43, 112–122; 73. Рр. 7–44]. От этих округов, часто размером менее тысячи избирателей, выбира-

¹⁹ По-видимому, идея о связи представительного собрания с принципами демократического правления была впервые развита в период гражданской войны в Англии группой писателей – радикальных республиканцев, среди которых следует особо отметить Джеймса Харрингтона, Элджернона Сидни и Генри Невилла. См. [58]. Например, Харрингтон предлагал следующее: «Демократия... состоит из отдельных групп... подчиненных сенату, который состоит из не более чем трехсот сенаторов, и народному собранию, которое состоит из не менее чем тысячи депутатов, каждый из которых... заменяется на одну треть во время ежегодных выборов в указанных группах; при этом в сенате проходят дебаты, а народное собрание принимает решения по всему содружеству» [59. Р. 261].

²⁰ См. в целом [60, 61].

²¹ См. в целом [62, 63].

²² Центральной фигурой этого процесса был премьер-министр Великобритании Роберт Уолпол. См. в целом [67–69].

²³ В экклесии (собрании), которое – по крайней мере теоретически – принимало все важные решения, могли участвовать все граждане с равным правом голоса. На нем выбирались военачальники, по одному от каждой из десяти афинских общин; однако, согласно Аристотелю, эти выборы проходили по олигархическим, а не демократическим принципам. Тем не менее эти десять военачальников выбирались именно в экклесии, и ожидалось, что они будут эффективно выполнять свои обязанности как военачальники, а не выступать в интересах своей общины. Хотя члены Буле (совета), который определял повестку экклесии и приводил в исполнение ее решения, представляли все общины в равном количестве, они избирались по жребию, а Буле был структурирован по принципу преемственности власти, а не совещательного органа с участием каждой общины. См. [70; 71. Рр. 476–502]. См. в целом [56. Рр. 77–90, 105–122]. Исследователи в целом согласны с тем, что афинская конституция не была написана Аристотелем, но скорее является одним из дошедших до нас примеров изучения конституций греческих полисов, написанных его учениками.

лись по два члена Парламента, так же, как и от таких активно развивающихся промышленных городов, как Бирмингем и Манчестер с десятками тысяч избирателей²⁴. Широко известно, что Эдмунд Бёрк показал, как представители этих сельских продажных округов обеспечивают «виртуальное представительство» жителей промышленных центров²⁵, но это не могло убедить горожан примириться с ситуацией. Их требования пропорционального представительства стали одним из самых спорных вопросов британской политики XIX в., поставив общество на грань социальной революции и приведя к появлению двух законопроектов (в 1832 и 1867 гг.), которые постепенно сгладили эту проблему [77. Рр. 43–50; 73. Рр. 57–76, 234–279; 78. Рр. 172–179].

С ней был тесно связан вопрос об имущественном цензе. В 1830 г., когда Вильгельм IV стал первым по-настоящему конституционным монархом территории, которая была на тот момент Соединенным Королевством, на парламентских выборах могли голосовать лишь около 300 тысяч человек из 16-миллионного населения, включая 6 миллионов взрослых мужчин [79. Р. 403]. Сказать, что имущественные ограничения определяли эти цифры, будет, пожалуй, преуменьшением этого аспекта. Фактически именно обладание собственностью, а не гражданством давало человеку право голосовать; эта ситуация во многом сходна с корпоративным управлением. Человек, владевший собственностью в определенном районе, мог голосовать там, даже если проживал в другом месте, а тот, кто владел собственностью в нескольких округах, мог голосовать в каждом из них. В так называемых городских ленах [участках городской земли, арендованных у феодала] голоса принадлежали арендаторам конкретных объектов недвижимости, а кандидат мог

выкупить их и передать своим сторонникам [80. Р. 64]. Выступая в защиту такого положения, герцог Веллингтонский, премьер-министр действовавшего в то время правительства тори, не вполне точно, но показательно отметил, что «ни в одной части света демократия не устанавливалась без того, чтобы немедленно не объявить войну против собственности» [77. Р. 49].

Как во Франции, так и в Соединенных Штатах идея о том, что народ состоит из личностей, а не владельцев имущества и что к этим личностям нужно относиться равноправно, стала частью их революционных идеологий. Во Франции в разгар революции было введено всеобщее избирательное право для взрослых мужчин при выборах в Национальный конвент, однако при консервативном режиме после поражения Наполеона ввели имущественные ограничения, превосходившие таковые в Британии, – избирательные права для выборов в законодательные органы имели всего 90 тысяч мужчин при общей численности населения более 26 миллионов; после Революции 1830 г. это число возросло до 241 тысячи [80. Рр. 78, 98]. Революция 1848 г. во многом была сознательным повторением своей предшественницы; всеобщее избирательное право для мужчин было восстановлено, однако диктатура Наполеона III превратила французские выборы в шарадку – политическую игру, результаты которой были известны заранее, но тщательно скрывались от избирателей с помощью целого спектра манипулятивных методов [82. Рр. 95–133]. Потребовалась еще одна революция, прежде чем граждане смогли по-настоящему воспользоваться революционным принципом всеобщего избирательного права для мужчин [83. Рр. 25–39].

В Соединенных Штатах отцы-основатели настолько сконцентрировались на создании механизма непрямых выборов президента и сенаторов, что оказались уже не в силах определить механизм выбора членов палаты представителей – единственных избираемых напрямую – и оставили этот вопрос в ведении штатов²⁶. Многие штаты наложили имущественные ограничения, но постепенно сняли их в течение последующих десятилетий [84. Рр. 117–280; см. в целом 85. Р. 219], вероятно, благодаря духу эгалитаризма, о котором писал Токвиль [86]. Однако сразу возникли

²⁴ [73. Рр. 45–76, 165–197]; см. там же. Р. 166 («В небольших избирательных округах... власть патрона была так велика, что голоса можно было получить без всякого взяточничества. Однако в более крупных округах, где электорат был более независим, эта независимость рассматривалась просто как возможность продать свой голос тому, кто больше заплатит»).

²⁵ См., например, [74. Р. 155]; см. [75. Рр. 168–189] (обсуждается теория представительства Бёрка, включая противопоставление доверительного и проводникового представительства и положение о виртуальном представительстве); [76. Р. 83] (обсуждается ведение политических дебатов в Парламенте до появления теории Бёрка в свете непропорционального представительства различных избирательных округов).

²⁶ См. U.S. Const., art. I, § 2, cl. 1.

противоположные тенденции, например, лишение избирательных прав «неимущих», которые получали финансовые пособия; эти ограничения имели место еще долгое время, пока не были окончательно отменены [87. Р. 335].

Вплоть до XX в. избирательные права принадлежали исключительно мужчинам; в 1893 г. Новая Зеландия стала первой демократической страной, в которой эти права были предоставлены женщинам²⁷. Такое положение частично оправдывалось тем, что голосовать должны главы домохозяйств или полностью независимые граждане, однако это опровергается тем, что права голоса были лишены вдовы и незамужние женщины, некоторые из которых владели значительным имуществом; это свидетельствует о том, что прямая дискриминация и мизогиния были не менее значимой причиной. Несложно связать расширение избирательных прав на женщин с изменением их положения в гражданском обществе, однако этих изменений было недостаточно для сохранения полученного избирательного права. Борьба суфражисток, которая состояла в агитации, политическом давлении и демонстрации способности к независимым действиям, была необходима, пока демократические страны в конце концов не ввели избирательные права для женщин [90–92]; в некоторых случаях это произошло не скоро – например, во Франции – в 1944 г., а в Швейцарии – в 1971 г. [89. Р. 744].

Утверждение Бёрка о том, что представители сельских продажных «карманных» или «гнилых» округов Британии обеспечивают виртуальное представительство огромного населения промышленных городов, могло бы показаться абсурдным, выражающим бездумный традиционализм или откровенную коррумпированность, если бы он не продемонстрировал свой здравый смысл и честность, признав, что ни один англичанин не может стать таким представителем для американских колонистов [93; 74. Р. 233–293]. В XIX в. то же самое утверждение привело к обретению независимости большинством колоний в обеих

Америках, которые перестали верить, что их основатели представляют их интересы [94. Рр. 149–210; 95]. В XX в. к такому же выводу пришло население колоний в Африке и Азии²⁸. Конечно, не все освобожденные колонии стали демократическими государствами, но таковых значительное число²⁹, а некоторые в настоящее время являются более демократическими, чем Соединенные Штаты, судя по оценкам независимых агентств³⁰. В любом случае очевидно, что ни один из этих режимов не мог бы считаться демократическим, если бы не получил независимости.

Несложно определить принцип, послуживший основой расширения избирательных прав на городское население, мужчин, не имеющих собственности, женщин, колонизированные народы. Это принцип народного политического суверенитета, т. е. убежденность в том, что в рамках демократического процесса каждый человек должен иметь голос и никто не должен зависеть от других при выражении своей позиции. Разумеется, в современном государстве люди не могут выражать свое мнение непосредственно, как это происходило в Афинах или маленьких городах-полисах в Древней Греции³¹. Голоса граждан передают представители – великое политическое новшество западного общества, которое зародилось как инструмент королевской власти и превратилось в характерную черту государств, пришедших ей на

²⁸ См. в целом, например, [96, 97]. См. также [98]. Алжир играл особенно важную роль в осмыслении краха колониализма в результате освободительного движения, поскольку в этой стране борьба за независимость была особенно ожесточенной, а также благодаря большому количеству талантливых авторов – как собственных, так и зарубежных, – которые писали об этой борьбе. См. в целом [99–102].

²⁹ [94. Рр. 269–376]. См. в целом [103, 104].

³⁰ Economist Intelligence Unit, the Democracy Index 2020: In Sickness and in Health? (2021); Freedom House (признана нежелательной организацией в РФ с 21.05.2024 / recognized as an undesirable organization in the Russian Federation as of 21.05.2024), Freedom in the World 2021: Democracy Under Siege (2021). Обе указанные организации в своих рейтингах ставят Чили, Коста-Рику и Уругвай выше США, а также выше Австралии, Канады и Новой Зеландии, т. е. британских переселенческих колоний, которые стали независимыми в XIX или XX в. Другие крупные постколониальные страны, которые указанные организации в своих рейтингах признают демократическими, хотя и с оговорками, – это Бразилия, Аргентина, Перу, Гана, Южная Африка, Индия, Малайзия, Индонезия, Филиппины.

³¹ См. [56. Рр. 145–169]. См. в целом [105].

²⁷ [88; 89. Рр. 735, 743–744] (перечислены страны, предоставившие женщинам избирательные права между 1890 и 1990 гг. с указанием года, когда эти права были впервые предоставлены; показано, что избирательное право для женщин является международной нормой, которая в течение XX в. стала преобладать над отдельными нормами конкретных стран).

смену. Таким образом, более строго этот принцип определяется так: каждый гражданин должен иметь право голоса при выборе представителей, которые затем осуществляют управление от имени граждан.

По мере развития демократических государств этот принцип стал общепринятым, с уточнением, что все граждане имеют равные голоса при выборе представителей. Это не значит, что голос каждого имеет одинаковое значение. Такой стандарт был бы слишком жестким и, вероятно, невыполнимым на практике, а возможно, недостижимым и в теории³². Идея равенства применима скорее к входным, чем к выходным данным. Каждый имеет равное количество голосов (обычно один, но это не обязательно), даже если некоторые из них оказывают большее влияние на

результат из-за разделения на округа, методов подсчета или особенностей демографии. Нормативный принцип состоит в том, что каждый человек действует независимо от всех других избирателей и находится в равных условиях, по крайней мере, с юридической, если не с прагматической точки зрения.

Сохраняющиеся до сих пор исключения из избирательного права можно объяснить тем, что это право находится в процессе развития, хотя с той же точки зрения их можно и раскритиковать. Право голоса не входит в число прав человека, как свобода совести или свобода слова, но является политическим правом, т. е. правом участия в организованном субъекте государственного управления. Оно основано на двойственной концепции корпоративизма, появившейся в Средние века. С одной стороны, государство является юридическим органом, четко очерченным субъектом, обладающим способностью к действиям. С другой – избирательный округ каждого представителя также является юридическим органом, субъектом, который может выбрать отдельное лицо или небольшую группу лиц, которые будут действовать в его интересах. Таким образом, государство ограничивает голосование теми, кого признает в качестве составных частей государства и членов избирательных округов. Эти лица наделены правом голоса, следовательно, именно они выступают от своего имени. Однако могут возникнуть вопросы относительно посторонних лиц, которые проживают в данном избирательном округе, но не являются членами другого политического субъекта³³; эта проблема требует наличия общих норм натурализации или принятия в члены сообщества³⁴. Обоснованием исключения не членов сообщества из числа избирателей служит не то, что другие выступают от их имени, а то, что они не имеют права выступать за это сообщество.

³² Процедуры выбора членов законодательных органов могут быть различными, при этом каждый вариант дает преимущества одной какой-либо группе избирателей перед другими. Основное разделение лежит между одномандатными и многомандатными округами. В настоящее время первые распространены в Великобритании и многих странах, испытавших на себе ее влияние, например, в Соединенных Штатах. В большинстве случаев победителем становится тот, кто набрал наибольшее количество голосов, что описывается термином из области конного спорта «первый на финише». В большинстве современных демократий используется система пропорционального представительства. Иногда, как, например, в Израиле, Нидерландах и Словакии, выбираются все члены законодательных органов; чаще страна разбивается на округа, от которых избираются от двух до 70 представителей. См. в целом [106, 107]. Если используется пропорциональное представительство, необходимо определить, каким образом количество голосов будет переводиться в количество мест. Предположим, в округе, от которого выбирается три представителя, одна партия получила 48 % голосов, вторая – 22 %, третья – 17 %. Поскольку первая партия получила в два раза больше голосов, чем вторая, должна ли она направить двух представителей, вторая – одного и третья – ни одного? Или каждая партия должна направить по одному представителю? Два самых распространенных метода решения этого вопроса – метод Д’Ондта (*D’Hondt Divisors method*) и метод наибольшего остатка (*Hare Quota and Largest Remainders method, HQLR* – метод Хейра – Нимейера) в честь теоретиков политологии, которые дали им определения. Оба эти метода дают преимущество небольшим партиям по сравнению с одномандатными округами, но метод Хейра делает это преимущество более выраженным, чем метод Д’Ондта. См. [108. Рр. 535–597; 109; 73. Рр. 61–66]. Оба эти метода валидны; они не являются злоупотреблениями, как «избирательная география» («джерримэндеринг», перекройка избирательных округов с целью обеспечения результатов выборов, угодных данной партии) или давление на избирателей. Однако при выборе того или иного метода значение отдельного голоса будет различным.

³³ См. в целом [110. Р. 153]. Аргументация заключается в том, что в определенный момент постоянные жители становятся членами сообщества, даже если не могут стать гражданами по законам страны. При этом никто не выступает за предоставление права голоса лицам, временно посещающим страну.

³⁴ В целом состояние безгосударственности является серьезной проблемой в области прав человека в современном мире, особенно в свете Вестфальской системы международных отношений, согласно которой обитаемая часть Земли подразделена на суверенные государства. См. в целом [111, 112. Р. 156].

Еще одно значительное исключение из избирательного права – это дети, которые, в отличие от первой категории, являются членами данного сообщества; однако государство отказывает им в праве голоса. Обоснование для этого общеизвестно, но тоже подвергается критике. Во-первых, дети младше определенного возраста не обладают компетентностью в области принятия политических решений и выражении собственных взглядов. Однако в этом случае следует обозначить границу, и граждане должны приобретать права по мере приближения к ней. Это относится к любой границе, и индивидуальное определение уровня компетентности является, как правило, запретительным³⁵. Во-вторых, исключение детей из числа избирателей не является проявлением несправедливости, поскольку каждый взрослый был когда-то ребенком и не имел права голоса в течение того же срока, что и любой другой человек. В-третьих – и это наиболее существенно для целей настоящего исследования – общество считает, что взрослые избиратели имеют право голосовать от имени своих детей, так как они будут принимать решения в интересах своих детей. Разумеется, некоторые взрослые не имеют детей, но практически каждый ребенок имеет хотя бы одного взрослого, ответственного за его благополучие³⁶. В нашем обществе сложилась практика почти нерегулируемого делегирования прав детей их родителям, обоснованная тем, что родители будут действовать в интересах детей. В эти широкие полномочия включается и право выступать от имени ребенка по вопросам политического представительства³⁷.

Третья группа лиц, исключенных из избирательного процесса, – это некомпетентные лица, т. е. те, кого общество считает умственно или психически

неполноценным для понимания процесса или результатов выборов. В этом также есть противоречие, так как законы многих штатов отражают устаревшие и несправедливые взгляды на психические нарушения³⁸. Для целей настоящего исследования достаточно отметить, что любое законное ограничение такого рода должно определять заболевание как неспособность индивида выступать в собственных интересах и функционировать как независимое лицо. Таким образом, лишение этих лиц избирательного права имеет то же обоснование, что и исключение детей, а именно: по мнению нашей законодательной системы, они не могут выступать в своих интересах, а следовательно, за них должны выступать другие люди³⁹.

Еще одна группа, которую исключают из избирательного процесса некоторые штаты США, – это лица, в настоящее время или в прошлом осужденные за фелонию (тяжкие преступления)⁴⁰. Для первых обоснование такое же; согласно закону, они должны находиться под надзором других лиц и им запрещено действовать от своего имени. Что касается лиц, в прошлом осужденных за фелонию, мы не будем касаться обоснования для лишения их избирательного права. Такого обоснования нет, и существующая во многих штатах США практика такого рода является нарушением прав человека.

III. Механизм представительства как основа экономического народного суверенитета

Теперь мы можем перенести идеи корпоративизма, изложенные в разд. I, и концепцию представительства, описанную в разд. II, из политической сферы в область экономики. Теоретики политологии, которые предвидели возможность такого переноса, обычно сосредоточивались на распределении богатства. Некото-

³⁵ Это положение также подвергается критике. См. [113. Рр. 136–144; 114. Р. 215]. См. в целом [115. Р. 133; 116. Р. 108].

³⁶ В настоящее время в Соединенных Штатах около 73 миллионов детей. См. U.S. Census Bureau, Current Population Reports. URL: <https://www.childstats.gov/americaschildren/tables/pop1.asp> (дата обращения: 25.08.2021). Без родительского попечения и под опекой находятся 443 тысячи детей, т. е. всего около 0,6 %. Кроме того, можно отметить, что само по себе наличие опеки воплощает политическое решение о том, что каждый ребенок должен находиться под попечением родителя или лица, его заменяющего.

³⁷ На этом основании можно показать, что родители должны иметь право голосовать по доверенности от имени своих детей. Обсуждение этого вопроса см. в целом [117. Р. 503; 118. Р. 1463].

³⁸ См. [119. Р. 849, 850] («Лица с психическими нарушениями являются одной из немногих категорий, которые до сих пор выделяются в отдельную группу при опросах. По состоянию на 1997 г. в конституциях, законах или прецедентах 44 штатов имелись запреты на голосование для отдельных групп граждан с психическими заболеваниями или задержкой психического развития»); [120. Рр. 931, 936–945] (обобщаются законы штатов, касающиеся избирательных прав лиц с психическими нарушениями).

³⁹ Противоположный аргумент состоит в том, что голосование служит сплочению общества, что может благоприятно сказаться на людях, имеющих проблемы с психикой. См. в целом [120; 121. Р. 697].

⁴⁰ См. в целом [122; 123. Р. 1137].

рые, например Аристотель [71. Рр. 491–493, 506–507] или герцог Веллингтонский [77. Р. 49], были глубоко озабочены вероятностью того, что демократия потребует определенного уровня распределения богатства или будет способствовать ему. Фактически этот вопрос настолько смутил Аристотеля, что он потерял свою обычную ясность мысли. В своем труде «Политика» он явно считает «демократию» искаженной формой правления⁴¹, однако неясно, определяет ли он демократию как правление многих или как правление бедных⁴². Возможно, его определение было верным, если считать, что большинство населения Древней Греции было бедным, но в современных условиях бедные должны расцениваться как меньшинство.

Многие современные исследователи скорее приветствуют возможную связь между демократией и распределением благ, чем чувствуют в ней угрозу. Одно из самых радикальных предложений было выдвинуто Джоном Ролзом, который выводил из своей теории справедливости как демократическое правление, так и принцип справедливости. Согласно принципу справедливости, имущественное неравенство оправдано только в том случае, если оно улучшает положение беднейших членов общества [124, §§ 11–13]. Более умеренная и широко распространенная точка зрения состоит в том, что демократия требует перераспределения богатства, достаточного для обеспечения минимальных потребностей каждого члена общества⁴³. Это обосновывается тем, что лица, плохо обеспеченные питанием, жильем, не имеющие возможности быть здоровыми и образованными, не могут участвовать в управлении – т. е. не могут эффективно реализовать свое право голоса или воспользоваться возможностями для более активного участия в управлении. Гегель,

⁴¹ По мнению Аристотеля, правление многих, как и правление одного и правление немногих, существует в добродетельной и искаженной форме. В добродетельной форме, которую он называет «полития», многие правят в интересах общего блага. В искаженной форме они правят лишь в своих собственных интересах и ущемляют богатых ради собственной выгоды [71. Рр. 278–279].

⁴² При этом Аристотель называет демократию искаженной формой правления многих, когда описывает свою тройственную классификацию (правление одного, правление немногих, правление многих). См. [71. Рр. 278–279]. В другом своем определении, основанном на распределении богатства, он называет демократию правлением бедных. Там же. Р. 277.

⁴³ См. в целом [125–129].

даже не будучи сторонником демократии, отмечал, что обладание собственностью является важным первым шагом в развитии рационального мышления человека: она дает возможность определить собственную волю через воплощение этой воли во владении объектами⁴⁴.

Исследователи указывали на множество рисков как со стороны демократии по отношению к собственности, так и рисков для демократии при отсутствии собственности. Для целей настоящей работы важно отметить, что выделяемые взаимосвязи или конфликты между демократией и собственностью являются скорее эмпирическими, чем органическими. Однако исторические факты их не подтверждают. В противовес путаным сомнениям Аристотеля и истерическим заявлениям герцога Веллингтонского, демократии вряд ли когда-либо занимались экстремальным – и даже сколько-нибудь заметным – перераспределением богатства. С другой стороны, демократии явно способны выжить даже при наличии неравенства. Согласно стандартному показателю неравенства доходов – индексу Джини Всемирного банка⁴⁵, в число стран с самым равномерным распределением богатства входят Дания, Финляндия и Нидерланды, которые являются самыми демократическими странами мира, но также Беларусь, Казахстан и Алжир. При этом внизу списка по распределению богатства находятся демократические Южная Африка, Белиз и Бразилия, но также Центральнаяафриканская Республика, Мозамбик и Гондурас.

С теоретической точки зрения связь между демократией и распределением собственности, которую пытаются доказать политологи, также кажется достаточно слабой. Распределение богатства – это политическое решение, принимаемое выборными представителями. Нет никаких очевидных причин, по которым они или избиратели должны систематически предпочитать какой-то конкретный подход. Если считать, что избиратели или их представители мотивированы, прежде всего, собственными интересами, то избиратели

⁴⁴ [130. Рр. 38–42]. См. в целом [131] (делается вывод, что, согласно Гегелю, каждый гражданин государства или член общества должен обладать хотя бы небольшой собственностью).

⁴⁵ GINI Index (World Bank Estimate) Country Ranking, World Bank Development Research Group. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/SI.POV.GINI/rankings> (дата обращения: 25.08.2021).

будут принимать решение на основе представлений о том, как перераспределение увеличит или уменьшит их доходы, и это не обязательно приведет к усилению равенства. Отсюда следует, что представители будут принимать решения на основе представлений о том, какой подход больше понравится избирателям, что опять же не обязательно приведет к экономическому равенству⁴⁶. Если избиратели и представители основываются на идеологических или иных соображениях (что кажется более вероятным), то возникает больше различных вариантов. Аргументация Ролза основана на наших интуитивных представлениях о справедливости, которые он оценивает с точки зрения исходной позиции⁴⁷. Его аргументация кажется интуитивно верной в отношении минимальных потребностей: мало кто захочет жить в обществе, где такие потребности с большой вероятностью не будут удовлетворяться. Но его принцип справедливости и в еще большей степени умеренные подходы к достижению равенства, очевидно, входят в противоречие с теми же изначальными представлениями: многие люди предпочтут воспользоваться шансом получить больше, чем средний уровень богатства. Аналогичным образом связь между богатством и участием в управлении кажется убедительной только в отношении борьбы с голодом, тяжелыми болезнями или тотальной нищетой. Нет

⁴⁶ См. в целом [132] (показано, что американцы, проживающие в экономически депрессивных районах, которые могли бы получить преимущества от государственных программ, регулярно голосуют против собственных интересов, поскольку их убедили обращать больше внимания на социальные проблемы, например, такие, как аборт и гей-культура); [133] (показано, что расистские взгляды приводят людей к отрицанию коллективных действий, которые могли бы дать им преимущества); [134] (делается вывод, что избиратели отсталых районов, нуждающиеся в улучшении медицинского обслуживания, выступают против федеральных программ из-за своего идеологического несогласия с предоставлением помощи меньшинствам, которых они считают недостойными ее).

⁴⁷ [124, §§ 4, 20–30]. Следует отвергнуть критику Сэндела о том, что, помещая людей за «занавес неведения», Ролз вырывает их из их социального контекста, тем самым искажая их предпочтения. См. [135. Рр. 140–166]. Этот аргумент несостоятелен, поскольку Ролз обращается к своим читателям в их социальном контексте, используя «занавес неведения» как инструмент, с помощью которого они могут исследовать свои собственные представления о справедливости. Такое исследование вряд ли может привести к мысли, что любое увеличение богатства, даже незаконное, должно служить во благо беднейшим слоям общества; в этом заключается проблема принципа справедливости.

причины, почему бедные люди не могут выступить за более справедливое отношение к себе.

То, что современные концепции государства и корпорации происходят из одного источника – средневекового корпоративизма, – обеспечивает более прямую, органическую связь между демократией и экономикой. Это позволяет сосредоточиться не на распределении богатства, а на организации корпораций. Мыслители Средневековья воспринимали государство как юридическое лицо, обладающее способностью к действию. Они считали, что оно состоит из трех традиционных сословий: аристократии, священнослужителей и простого народа. Затем они стали воспринимать группы простых граждан, таких как горожане или свободные землевладельцы, в качестве юридических лиц, действующих через представителей. Эта двойственная концепция корпоративных субъектов привела к появлению нашей современной системы представительской демократии, когда простые граждане ниспровергли власть первых двух сословий, а представители народа стали контролирующей силой в правительстве⁴⁸.

Ту же самую концепцию можно применить и к нашей экономической системе. Мы уже воспринимаем наши крупнейшие бизнес-организации как корпоративных субъектов. По словам Эрика Ортса, важно помнить, что это юридический конструкт⁴⁹. Корпорации – это лица со своими правами и способностью действовать, однако природу и объем этих прав определяет закон, так же как в Средние века короли давали корпорациям хартии. Можно также рассматривать сотрудников корпораций как юридическое лицо, обладающее способностью к действиям через

⁴⁸ В Англии это произошло во время Реформации, когда Англиканская церковь стала подчиняться светским властям, см. [136]; при этом законодательные полномочия Палаты лордов постепенно сокращались и из координирующей ветви законодательной власти она превратилась в церемониальный и судебный орган, см. [137; 138. Р. 461]. Во Франции это произошло, когда на начальных этапах Французской революции Генеральные Штаты были преобразованы в Национальное собрание. См. [139. Рр. 428–470; 140. Рр. 117–208].

⁴⁹ [141. Р. 27–51] («С точки зрения закона фирмы – это организационные “субъекты” со своими правами и обязанностями, которые можно отстаивать в судебном порядке, – это и делает их “юридическим лицом”... В то же время необходимо признать законные обязанности этих организационных субъектов наряду с их законными привилегиями»).

своих выборных представителей, так же как мы рассматриваем политические образования. Приняв эти допущения, можно на основе законодательства создать модель корпорации, которая будет служить тем же целям в экономической сфере, каким демократия служит в политической.

По мере развития демократии концепция представительства расширялась, включив в себя всех дееспособных взрослых граждан. Это обосновано тем, что каждый дееспособный взрослый должен иметь равный голос в управлении. Перенесенный в экономическую сферу, этот принцип означает, что каждый сотрудник должен иметь равный голос в определении условий своей работы. В крупной организации, как и в политической сфере, единственным способом достичь этого является процесс представительства. Таким образом, принципиально, чтобы все лица, работающие в крупной организации, имели право голоса при определении условий своей работы через выборы представителей, которые управляют корпорацией и определяют ее политику по отношению к своим работникам⁵⁰. Это базовая концепция народного экономического суверенитета.

Цели народного политического и народного экономического суверенитетов совпадают. Их положительная цель состоит в том, чтобы дать людям возможность определять, по крайней мере в некоторых значительных пределах, политику и практику институтов, которые обладают широкими полномочиями контроля над их жизнями. Не следует идти на поводу у всех грандиозных клише относительно самоуправления – о том, что эти структуры могут полностью или по большей части контролироваться теми, кем они управляют. В обоих случаях – существующих выборов политических лидеров и предлагаемых выборов руководства корпораций – цель состоит в том, чтобы дать некую меру контроля и хотя бы некоторое чувство независимости тем, кто без этого не имеет вообще никакой власти. Говоря точнее, государство

⁵⁰ Некоторые корпорации (как и компании с некорпоративной структурой, которые будут рассмотрены в следующем разделе) достаточно невелики для того, чтобы их сотрудники могли обойтись без представительства и управляли компанией напрямую. Это аналогично прямой демократии, которая существовала в древнегреческих городах-государствах и которую они и Аристотель считали единственной формой демократии. См. в целом [70]; см. [71. Рр. 476–502; 56. Рр. 77–90, 105–122].

обладает более широкими полномочиями и более символической значимостью, поэтому контроль над ним, вероятно, представляется человеку более важным. С другой стороны, работодатель часто пользуется более прямой и непосредственной властью над жизнью человека, а благодаря меньшим размерам и области действия организации ее сотрудники могут ощущать более высокую степень контроля, когда выбирают руководителей корпорации. И снова мы видим прямое подобие. Расширение демократических принципов на экономическую сферу служит той же цели – дать независимость – и использует тот же механизм – представительство.

Отрицательная цель обоих механизмов состоит в том, чтобы защитить граждан от притеснений и дать им честную и справедливую среду для жизни. Идея в том, что те, кто может контролировать жизни людей, избираются самими этими людьми, а значит, ограничены в использовании жестких и подавляющих мер. Трудно сказать, какая из структур – государство или корпорация – является потенциально более подавляющей. Государство может отнять у человека его основные свободы, такие как свобода слова или вероисповедания, и подвергнуть крайним мерам, таким как лишение свободы или смертная казнь. Более того, обычный человек не имеет реального выхода из-под власти государства. С другой стороны, те более ограниченные формы притеснения, которым может подвергнуть своих работников корпорация, происходят изо дня в день и обычно носят более непосредственный характер. Многие люди не думают о выражении политических взглядов, однако для большинства совсем безразличны их условия работы. Несомненно, работники могут уйти из корпорации, но те, кто имеет сбережения или недвижимость, часто переоценивают легкость смены работы для людей, которым она дает все средства к существованию. Более того, в отсутствие корпоративной демократии такой уход становится лишь переходом от одного притеснителя к другому такому же. И снова мы видим, что перенос политической демократии в область экономики является не просто аналогией или средством для приложения политических навыков, а тем же средством защиты человека от притеснений, но в другой сфере.

Теоретики в области социальных наук часто подразделяют понятие общества на политическую, экономическую сферы и гражданское общество [142,

144, 18], которое возникает из действий простых людей и включает в себя сложные системы норм и убеждений, определяющих их повседневную жизнь [144]. Разумеется, в гражданском обществе также существует возможность плохого обращения или подавления личности через социальную стигматизацию или неприятие, однако будет уместно предположить, что в нашем открытом, мобильном обществе таких возможностей становится все меньше. Напротив, в политической и экономической сферах возможности подавления личности возрастают. В определенной степени это происходит потому, что в этих сферах все более доминирующую роль начинают играть крупные организации, способные эффективно влиять на жизнь человека. Более того, обычный человек уже практически не может воспринимать их в силу их все возрастающей сложности. Хабермас называл этот процесс колонизацией жизненного мира⁵¹. Демократический способ принятия решений служит противовесом этому процессу. Он предоставляет человеку некоторую меру контроля над политическими институтами и в определенной степени заставляет эти институты объяснять свои действия простому человеку. В данной работе мы пытаемся показать,

⁵¹ [142. Рр. 301–403]; См. также там же. Рр. 153–197 (проводится разграничение между системой и жизненным миром). Жизненный мир – это концепция, берущая начало в феноменологии Гуссерля. См. в целом [145, 146]. Жизненный мир – это весь комплекс субъективного опыта отдельной личности. Информация от других людей поступает в жизненный мир человека посредством процесса межсубъективной коммуникации. По мнению Хабермаса, до современного этапа большая часть сил, воздействующих на человека, была доступна его пониманию. Сейчас же жизненный мир человека «колонизируется» внешними силами, которые слишком велики для понимания; по аналогии, африканские или азиатские страны ранее управлялись самостоятельно, а в колониальный период оказались под контролем европейских государств. Пример из области политики и экономики: раньше жизнь в какой-нибудь деревне в Европе в целом контролировалась местным землевладельцем и священником; эти две фигуры были всем знакомы, их действия наглядны и понятны. Современный небольшой городок находится под управлением органов администрации, которые находятся в столице и в которых работает обученный персонал. Раньше передвижение осуществлялось на повозках, принцип действия которых понимал любой человек, а починить мог обычный местный умелец. Современные средства передвижения – автомобили со сложнейшими двигателями и электронными системами контроля, которые не могут починить даже автомеханики в местных мастерских.

что основные институты экономической сферы возникли из той же корпоративистской концепции, что и основные институты политической сферы, и что то же самое корпоративистское решение – выборы представителей для осуществления контроля над этими институтами – может служить тем же целям в экономической сфере, а именно предоставлять независимость и противодействовать притеснениям.

IV. Экономический суверенитет как практический метод организации экономики

В предыдущих разделах мы изложили идею народного экономического суверенитета – механизма, с помощью которого принципы демократии – единственной формы политической организации, приемлемой для большинства людей в западном мире, – могут быть перенесены в область экономики. Мы не утверждаем, что этот механизм позволит более эффективно управлять бизнесом, хотя этот аргумент наиболее часто используют в пользу корпоративной демократии. В той достаточно абстрактной форме, в которой эта идея была изложена выше, она может показаться экстремальной и непрактичной, требующей полной трансформации нашей экономики и чреватой экономической катастрофой. Фактически это не так. Введение народного экономического суверенитета потребует относительно небольших изменений в существующих практиках и приведет к созданию более эффективной и справедливой экономической системы. В данном разделе мы рассмотрим этот вопрос. Хотя наше предложение носит общий характер, данное обсуждение строится на ситуации в Соединенных Штатах для простоты изложения. В отношении уровня социальной справедливости Соединенные Штаты находятся внизу рейтингового списка западных демократий⁵²,

⁵² См. Economist Intelligence Unit, the Democracy Index 2020: In Sickness and in Health? (2021) (согласно рейтингу «Индекс демократии», составленному этой организацией, США характеризуются как «искаженная демократия» и оцениваются ниже любой западноевропейской страны, кроме Италии, Мальты и Португалии, а также ниже других бывших британских переселенческих колоний, Тайваня, Уругвая, Чили, Коста-Рики, Республики Маврикий, Японии и Южной Кореи); Freedom House (признана нежелательной организацией в РФ с 21.05.2024 / recognized as an undesirable organization in the Russian Federation as of 21.05.2024), Freedom in the World 2021: Democracy under Siege (2021) (Соединенные Штаты находятся в данном рейтинге

однако эта страна экономически успешна, поэтому такой фокус обсуждения не приведет к искажению анализа в пользу предлагаемых реформ.

С самого начала следует отметить, что явление народного экономического суверенитета выходит за рамки корпоративного управления. Принцип «ни один человек не может быть нанятым другим человеком, то есть зависеть от другого человека в плане обеспечения своей жизнедеятельности» должен применяться ко всем экономическим организациям. Корпорации являются крупнейшими нанимателями в нашей экономической системе и самыми влиятельными бизнес-структурами, но существует еще и огромное количество трудовых отношений более мелкого масштаба, которые тем не менее важны и должны быть приняты во внимание, если мы хотим рассматривать убедительную и практическую аргументацию в вопросе экономического суверенитета. В данном разделе мы обсудим корпорации, а затем кратко и другие формы трудовых отношений.

Хотя народный экономический суверенитет может привести к развитию социализма⁵³, он также полностью совместим с капитализмом и не потребует никаких серьезных изменений современных форм собственности в американской экономике. Причина этого в том, что, как показали Берли и Минз, в современной корпорации собственность отделена от управления [147]. Это положение приводит к теории агента-принципала, которая, вероятно, лучше всего объясняет, как управляются крупные корпорации⁵⁴. Согласно этой теории, лица, владеющие голосующими акциями корпорации, слишком многочисленны, слишком рассредоточены в пространстве и недостаточно компетентны, чтобы реально управлять компанией. Очень часто они владеют капиталом лишь как инвестицией, которую считают более выгодным

вложением денег, чем счет в банке, государственные облигации, недвижимость или наличные. Даже если большинством голосующих акций владеет одно лицо, тем самым контролируя корпорацию целиком, у него часто недостает желания либо возможности управлять ею. Вместо этого основные решения принимает совет директоров, избранный по недемократическому принципу – количество голосов соответствует доле капитала. Совет директоров назначает главных управляющих корпорации (которые могут быть или не быть членами совета), а те, в свою очередь, контролируют работу компании⁵⁵. При этом владельцы, действуя напрямую или через совет директоров, сохраняют свои полномочия принимать основные решения относительно формы собственности и структуры. Они могут распустить компанию, объединить ее с другой, поменять область деятельности путем покупки другой компании, поменять общие подходы и способы ведения бизнеса.

Не существует причин, почему нельзя заменить назначаемых управляющих корпорации на управляющих, избираемых ее сотрудниками. В этом нет ничего особенно радикального или экзотического; расширенное участие работников или руководителей нередко применяется в рамках структуры капиталистической экономики⁵⁶. Руководство, избираемое сотрудниками, функционирует как средство реализации основного принципа народного экономического суверенитета – что каждый человек должен действовать как экономически независимый субъект и никто не может быть нанят другим человеком. Для нашего обсуждения не релевантен аргумент, что выборные представители сотрудников корпорации не будут по-настоящему обеспечивать контроль этих сотрудников над управлением корпорацией. Вопрос состоит в том, можно ли распространить основной принцип демократии – народный политический суверенитет – на сферу экономики так, чтобы это было убедительно и практически выполнимо. Какие бы трудности ни сопровождали процесс представительства в компании, управляемой

ниже любой западноевропейской страны, ниже других бывших британских переселенческих колоний, ниже стран, перечисленных выше в списке журнала Economist, кроме Южной Кореи, с которой связана эта организация, а также ниже ряда других стран, среди которых Аргентина, Белиз, Хорватия, Чехия, Латвия, Монголия, Словакия, Словения, большинство островных государств Карибского моря).

⁵³ См. ссылку 1 о традиционной связи между рабочей демократией и социализмом.

⁵⁴ См. в целом [148. P. 650; 149. P. 288; 150. P. 327; 151. P. 305].

⁵⁵ См., например, [152. Pp. 61–116].

⁵⁶ См. в целом [153] (приводятся различные примеры управления работниками на разных уровнях). Один из ярких примеров, значительно повлиявший на понимание этого вопроса, – система сплошной разработки на Даремских угольных месторождениях (Англия). См. [154]. Более современный пример – несколько шведских проектов по участию рабочих в управлении. См. в целом, например, [155. P. 65; 156. P. 175].

работниками, они будут не более, а возможно, менее серьезными, чем те, с которыми сталкиваются избиратели в рамках политической демократии.

Тем не менее процесс политического представительства вызывает вопросы, которые стоит рассмотреть в контексте корпоративной демократии. Самый очевидный из них – структура представительства. С одной стороны, все работники могут выбирать всех представителей, как в Израиле выбирают всех членов законодательных органов⁵⁷. С другой стороны, можно использовать принцип географических подразделений, который широко используется в таких демократических странах, как США, Великобритания и Франция. Такой способ лучше подходит для крупных и географически рассредоточенных корпораций. Сотрудники каждой отдельной фабрики или регионального офиса избирали бы либо одного представителя простым большинством голосов, либо нескольких по принципу пропорционального представительства. Еще одна возможность, которую гораздо проще реализовать в корпорации, чем в стране, – это голосование по функциональным категориям: например, офисные работники, руководители, продавцы, рабочие цехов голосуют по группам. Конкретная форма голосования может влиять на результаты, однако все эти варианты соответствуют базовому принципу народного экономического суверенитета. Каждый сотрудник будет иметь равный голос в управлении корпорацией, что и является положительной целью представительской демократии. Кроме того, администрация корпорации, будучи избираемой работниками, будет воздерживаться от репрессивных мер, тем самым реализуя отрицательную цель демократии⁵⁸.

В нашей экономике доминируют крупные корпорации, поэтому на них сосредоточивается основное внимание; однако существует множество мелких пред-

приятий, на которых работают десятки и сотни тысяч сотрудников, принося миллиарды долларов прибыли. Для использования корпоративной формы управления, как правило, не ставится какой-либо нижней границы размера компании. Ниже определенной численности (например, 100 сотрудников в единственной локации) в представительстве нет необходимости, а при еще более низкой численности сотрудников (скажем, 25 сотрудников) оно вообще не имеет смысла. Однако в таких ситуациях принцип народного экономического суверенитета может применяться путем прямого участия в управлении, эквивалентом которого является политический механизм прямой демократии. Идея народного экономического суверенитета от этого не пострадает. Фактически многие классические мыслители, такие как Аристотель и Руссо⁵⁹, считали прямую демократию единственно приемлемой формой демократии, а множество современных авторов сожалеют о невозможности ее применения в нашем обществе и рассматривают представительскую демократию лишь как ее небезупречную модель⁶⁰.

Несомненно, принципу народного экономического суверенитета отвечают рабочие кооперативы – корпорации, принадлежащие рабочим. Однако то же верно и в отношении корпораций, принадлежащих акционерам. Разделение полномочий между владельцами и управляющими в системе народного экономического суверенитета останется в целом тем же, что и теперь; оно не нарушает капиталистических принципов права собственности. Представители сотрудников будут контролировать условия работы, а владельцы, также посредством голосующих акций, будут определять само существование и общую структуру компании. Эти группы должны будут договариваться по поводу распределения прибыли на зарплаты, премии, улучшение условий труда, дивиденды, займы, расширение бизнеса, так же как сейчас администрация и владельцы согласовывают эти вопросы с эффективно работающим профсоюзом⁶¹. Возможно, возрастет

⁵⁷ См. сноску 32.

⁵⁸ Одна из современных идей в области теории управления организацией – это идея гегемонии администрации, согласно которой назначенные управляющие не только независимы, но и используют различные методы для контроля и доминирования над сотрудниками. См. в целом [157. Р. 108]. Возможности использования этих методов остаются предметом изучения, см. [158. Р. 204], однако можно утверждать, что они представляют реальную угрозу для работников. Избрание управляющих непосредственно работниками стало бы эффективным способом противодействия этой угрозе.

⁵⁹ [159]. Как отмечалось выше, Аристотель вообще не считал демократической систему управления выборными чиновниками. [71. Рр. 476–502; 56. Рр. 77–90, 105–122].

⁶⁰ См. в целом, например, [160; 161. Р. 185].

⁶¹ Учитывая количество и разнообразие компаний в современном мире, это разграничение следует признать очень сложным. Некоторые инвесторы, даже крупные, останавливаются на управлении портфелем активов и не пытаются влиять на реше-

тенденция выплачивать сотрудникам вознаграждение в зависимости от прибыли, но такой порядок не всегда неэффективен. Собственники бизнеса могут высоко оценить народный экономический суверенитет как средство поощрения сотрудников, способствующее долгосрочным стратегиям корпоративного роста, а сотрудники увидят в нем средство накопления с потенциальной перспективой роста.

Сложно сказать, будет такая форма управления более или менее эффективной, чем нынешняя система, используемая в США. Самые очевидные недостатки действующей системы неоднократно становились предметом изучения науки о корпоративном управлении – это агентские проблемы, которые исходят непосредственно из анализа Берли и Минза. Неподотчетность советов директоров и вопиющее отсутствие регулирования привели к тому, что оплата управляющих в настоящее время исключительно высока [164; 165; 166. Р. 71; 167. Р. 449]. При этом в случае проблем управляющие могут легко переместиться на пост в другой компании или выйти на пенсию с огромным капиталом; печально известны «золотые парашюты», которые они назначают друг другу [168. Р. 664; 169. Р. 861]. Кроме того, если акционеры слабо контролируют управляющих, они могут принимать различные нерациональные решения, например, оказывать финансовую поддержку консервативным политикам, которые фактически препятствуют развитию бизнеса⁶², или приобретать компании по своим личным пристрастиям [171; 172. Р. 323].

ния управляющих; другие занимают более активную позицию, хотя и редко на уровне повседневного управления. См. в целом, например, [162. Р. 1729] (описывается, как хеджевые фонды используют некоторые формы активности акционеров, эффективно снижая агентские издержки); [163. Р. 174] (объясняется, почему объединенные усилия совместных фондов и пенсионных фондов редко приводят к значительным выгодам для акционеров). Фактически активность акционеров, какова бы ни была ее ценность в настоящий момент, может принести большую выгоду компании, управляемой работниками, чем это происходит сейчас, потому что, во-первых, выборные управляющие будут иметь больше перспектив, и, во-вторых, это даст сигнал рынку, что управление компанией происходит с учетом фискальных соображений.

⁶² См. в целом [170. Р. 1015] (анализ экономических достижений в период правления президентов от Трумана до Обамы показывает: рост занятости был в 2,2 раза выше при демократах; безработица снижалась в среднем на 0,8 % при демократах и росла в среднем на 1,1 % при республиканцах; реальный рост ВВП был в 1,7 раза выше при демократах; дефицит бюджета

Если бы управляющие избирались представителями работников, они, возможно, стали бы скорее играть роль распорядителей, что многие специалисты считают правильным⁶³. Возможно, они назначали бы работникам более высокие зарплаты, премии или обеспечивали лучшие условия труда⁶⁴. Во всяком случае управляющие воздерживались бы от назначения себе заоблачных выплат, если бы знали, что их будут переизбирать работники. Хотя каждый отдельный сотрудник имеет возможности для смены места работы⁶⁵, у рядовых сотрудников эти возможности более ограничены, чем у менеджеров, а у многих вообще нет выбора. Они привязаны к корпорации, а значит, имеют стимул увеличить свой доход и упрочить положение. Кроме того, благодаря величине этой группы личные интересы должны постепенно уступать место соображениям общего блага – эту черту демократии отметил еще Руссо [159] и развили современные специалисты-политологи [176].

Очевидно, что идея народного экономического суверенитета относится не только к открытым акционерным обществам, но и ко всем другим предприятиям в сфере бизнеса, а также ко многим индивидуальным предпринимателям. В таких случаях она потребует несколько большего отхода от ныне действующих практик, однако необходимые изменения не являются чрезмерно радикальными, но могут дать значительные дополнительные преимущества. В случае партнерств проблем не возникнет. По большей части деловое партнерство функционирует по принципу прямой демократии, а значит, соответствует идее народного экономического суверенитета без каких-либо изменений

возрастал на 0,7 % больше при республиканцах; среднее значение индекса S&P составляло 8,4 % при демократах и 2,7 % при республиканцах, т. е. разница в 3,1 раза; наконец, в течение исследуемого периода 41 из 49 кварталов, когда экономика находилась на спаде, приходились на время правления Республиканской партии).

⁶³ См. [173. Р. 115].

⁶⁴ В отношении благосостояния работников они могут применять подходы, более выгодные для компании, чем это делают нынешние менеджеры, даже если последние относительно свободны от агентской проблемы и имеют мотивацию для максимизации прибылей акционеров. См. [174].

⁶⁵ См. в целом [175] (проводится сравнение решений сотрудников организации покинуть ее или остаться и противодействовать или подчиниться существующей политике).

своей существующей формы⁶⁶. Иногда в партнерстве могут возникать определенные элементы неравенства при голосовании и других формах контроля, которые, хотя и не противоречат законам штатов, могут вызвать вопросы относительно экономического суверенитета; однако это всего лишь детали, которые поддаются регулированию со стороны законодательства. Безусловно, партнерство может нанимать на работу лиц, не являющихся его членами, но тогда оно функционирует как некорпоративный работодатель, о чем будет сказано ниже.

В современной экономике многие люди работают в некорпоративных организациях. Это могут быть партнерства, компании, организованные в рамках какого-либо положения законодательства штата, или индивидуальные предприниматели. Такие отношения найма часто возникают на маленьких предприятиях с неформальными связями, где неприменима модель корпоративной демократии, при которой сотрудники выбирают представителей. Отношения в таких организациях больше напоминают личные, и любая формализованная структура их разрушит.

Тем не менее существует реальный и прагматический способ применить институт народного экономического суверенитета в этом контексте. Он состоит в том, чтобы никто не имел права напрямую нанимать других людей – за исключением случаев, которые будут описаны ниже. Вместо этого работодатель должен будет заключить контракт с агентством по найму или биржей труда. В соответствии с принципом народного экономического суверенитета эти агентства или биржи будут представлять собой рабочие кооперативы или, что более вероятно, корпорации, управляемые выборными представителями работников⁶⁷.

Отношения между работодателем и этими биржами труда могут принять две основные формы. Во-первых, работодатель может обратиться на биржу в поисках сотрудников, провести собеседования и отобрать людей среди тех, кого биржа предоставит

⁶⁶ См., например, [177. Рр. 245–357; 178].

⁶⁷ Сделаем пояснение, хотя оно, вероятно, выходит за рамки данного обсуждения. У крупных бирж труда будут управляющие, избранные представителями работников, которые в данном случае являются как лицами, которым находят работу (и которые в результате работают на биржу, заключившую контракт с конечным работодателем), так и собственным персоналом биржи. При этом, вероятно, было бы целесообразно разделять электорат по категориям работников.

в ответ на запрос. При этом работодатель и биржа договариваются об условиях найма, включая обязанности, оплату, бонусы и условия труда. Во-вторых, работодатель может нанять конкретное лицо. В этом случае это лицо должно зарегистрироваться на бирже, а работодатель и биржа договариваются об условиях найма, как и в первом случае. Разумеется, биржи труда должны подчиняться строгим нормам, направленным против дискриминации, учитывая описанные ниже исключения, а значит, принимать каждого, кто желает зарегистрироваться с целью трудоустройства. При этом биржи будут иметь право ограничивать свою деятельность определенными видами работ или отраслями. Поскольку они будут, как правило, коммерческими организациями, у них будет стимул трудоустроить как можно больше людей, будь то в выбранной сфере деятельности или в целом. В обоих случаях, в соответствии с принципом народного экономического суверенитета, работник будет в результате нанят биржей труда, которой управляют сами работники, а не напрямую работодателем.

Что касается экономических аспектов, данный режим непрямого найма, несомненно, потребует некоторого возрастания транзакционных издержек, которые можно уменьшить через стандартные формы контрактов. Однако экономическая выгода будет значительной как для работников, так и для общества в целом. Одна из отличительных черт экономики последних лет – широкое распространение аутсорсинга и использования внештатных сотрудников. Это, вероятно, является результатом современных возможностей обработки данных – сейчас стало легко управлять сложным рабочим графиком внештатных сотрудников, а раньше это потребовало бы чрезмерных транзакционных издержек. Как бы то ни было, результатом стало тяжелое давление на таких сотрудников [179–181]. Они не получают бонусов, не имеют гарантий занятости, не могут рассчитывать на регулярный режим работы и регулярный доход, подвергаются вредным условиям труда. Личные отношения, которые могли бы облегчить их положение, заменяются эпизодическими, инструментальными отношениями. Этот подход используется работодателями на всех уровнях, от самых крупных корпораций до небольших предприятий с дюжиной внештатных сотрудников.

Это положение стало возможным благодаря отношениям найма, и именно его может устранить

народный экономический суверенитет. Каждому работодателю придется брать сотрудников с биржи труда. Хотя эти биржи будут конкурировать друг с другом, им придется договариваться об условиях, особенно если учесть, что они будут находиться под контролем работников. Они смогут нанять высококвалифицированных профессионалов для ведения переговоров по контрактам, что, очевидно, недоступно отдельному, низкооплачиваемому работнику. Такие биржи легко смогут удовлетворить законные требования работодателей к гибкому найму, например, сезонные колебания в количестве необходимого персонала, но при этом защитить работников от неопределенности и беспорядка, которые возникают в таких случаях.

Можно предположить, что народный экономический суверенитет займет место нынешних профсоюзов, во всяком случае в большинстве ситуаций. Когда-то профсоюзы и коллективные договоры были естественной реакцией на притеснения рабочих со стороны собственников и, возможно, спасли капиталистические страны от развала через социальные революции, однако в современной экономике они не являются особенно эффективными⁶⁸. Там, где профсоюзы очень сильны, они зачастую подрывают экономическую устойчивость самих работников, поскольку их этика рабочей солидарности не учитывает специфику конкретных предприятий⁶⁹. Чаше работники сами отворачивались от профсоюзов, оказавшихся неспособными защитить их от нашествия временного персонала. В любом случае профсоюзы защищают только каждого десятого рабочего⁷⁰. Народный экономический суверенитет может обеспечить более надеж-

ную защиту каждому работнику, так как работодателю будет сложнее изменить обговоренные условия.

Несомненно, при разработке системы народного экономического суверенитета будет много сложностей, которые отражают огромное многообразие трудовых отношений в современной экономике. При этом в системе народного экономического суверенитета необходимы или желательны определенные исключения, поскольку аналогия между политической и экономической сферами в некоторых случаях отсутствует. Так, хотя каждый взрослый человек имеет право голоса, было бы, вероятно, целесообразно исключить обязательство регистрироваться на бирже труда для семейных предприятий, так как семья представляет собой отдельную экономическую единицу. Для религиозных организаций такое обязательство также должно быть исключено в отношении сотрудников, выполняющих их основные функции, но сохранено для остальных работников, таких как бухгалтеры или уборщики. Государственные служащие также должны быть исключены, поскольку система народного политического суверенитета уже обеспечивает для них справедливые условия труда, а экономический суверенитет может стать препятствием для этой более базовой формы народного контроля.

V. Заключение

В данной работе показана глубокая органическая связь между демократическим правительством и корпорацией на основе их этиологии. И государство, и корпорации в их современном понимании возникли в Средние века из корпоративистского мышления и идеи о том, что некий социальный институт может конструироваться как юридическое лицо, способное к действию. Этот подход привел также к формированию групп людей в качестве юридических субъектов, которые могут выбирать представителя, действующего от их имени. Изначально это явление создавалось, чтобы продвигать централизацию монархий, однако оно оказалось таким эффективным, что послужило основой демократического правления крупных современных государств. Группы граждан получили возможность выбирать своих представителей, чтобы контролировать государство и вынуждать его действовать в их интересах, – теперь этот процесс называется народным политическим суверенитетом.

⁶⁸ [182] (описываются конфликтующие идеологии, которые подрывали единство профсоюзного движения); [183; 184. P. 323; 185. P. 19].

⁶⁹ См., например, [186] (описывается, как профсоюз рабочих автомобильной промышленности добился высоких зарплат, бонусов и пенсий, которые оказались не по карману корпорации *General Motors*, в результате чего компания уменьшила свою долю рынка и в конце концов обанкротилась).

⁷⁰ Union Members Summary, U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: <https://www.bls.gov/news.release/union2.nr0.htm> (дата обращения: 25.08.2021) (отмечается, что в 2020 г. членами профсоюзов были 10,8 % рабочих и служащих, что на 0,5 % выше, чем в 2019 г., при этом их количество в 2020 г. составило 14,3 миллиона человек, что на 321 тысячу человек, или 2,2 %, ниже, чем в 2019 г.).

Таким образом, основываясь на общности происхождения и понятийной структуры государства и корпорации, указанное явление можно распространить с политики на экономические институты. В этом выражается не то обычное понимание демократических принципов как более эффективных средств корпоративного управления и не та менее обычная, но также достаточно распространенная практика использования рабочего самоуправления в политике. Описанное здесь распространение является скорее непосредственным и нормативным. Аналогично тому, как наша концепция политического представительства привела к признанию права голоса каждого дееспособного взрослого, так же и каждый работающий человек должен иметь право контролировать условия своего труда, будь то напрямую или чаще через выборных представителей. Никто не должен подвергаться контролю со стороны работодателя. Этот принцип, называемый народным политическим суверенитетом, должен служить тем же глубинным, нормоустанавливающим целям, каким на политической арене служит демократия. Он даст работникам чувство независимости и достоинства и обеспечит им защиту от притеснений.

Очевидно, что народный политический суверенитет не будет внедрен в ближайшее время, а может быть, и вообще никогда. Но исследование этого вопроса выявляет проблемные места существующей экономической системы и то, в чем она существенно расходится с демократическими нормами, которые считаются обязательными в государственном управлении. Изучая возможности распространения основных принципов нашей политической системы на экономическую сферу, мы раскрываем ситуации зависимости и подавления, в которых оказываются люди независимо от того, работают ли они в крупнейшей корпорации с сотнями тысяч сотрудников или в самых маленьких организациях, таких как семейный бизнес или магазинчик с единственным сотрудником. Наше исследование служит предупреждением: нельзя успокаиваться, полагаясь на Закон о регулировании трудовых отношений⁷¹ или Закон об охране труда и технике безопасности⁷², нужно продолжать искать пути создания справедливого и равноправного общества для большинства наших граждан, которые должны работать, чтобы обеспечить себе средства для жизни.

Список литературы / References

1. Bernard H. Moss. (1976). *The origins of the French labor movement: the socialism of skilled workers, 1830–1914* (1st ed.). Univ. of Calif. Press.
2. Stephen E. (2009). *Phillion, workers' democracy in China's transition from state socialism*. Routledge.
3. David Schweickart. (2011). *After capitalism* (2nd ed.). Rowman & Littlefield Publishers.
4. Jergen Goul Andersen, Jens Hoff. (2001). *Democracy and Citizenship in Scandinavia* (1st ed.). Palgrave Macmillan.
5. Chris Doucouliagos. (1995). Worker Participation and Productivity in Labor-Managed and Participatory Capitalist Firms: A Meta-Analysis, *Indus. & lab. Rel. Rev.*, 49, 58.
6. Archie B. Carroll, Ann K. Buchholtz. (2014). *Business & society: ethics, sustainability and stakeholder management* (9th ed.) Cengage Learning.
7. James E. Post, Lee E. Preston, Sybille Sachs. (2002). *Redefining the corporation: stakeholder management and organizational wealth* (1st ed.). Stanford Business Books*.
8. Ian Verbeke, Vincent Tung. (2012). The Future of Stakeholder Management Theory: A Temporal Perspective, *J. Bus. Ethics*, 112, 529.
9. Cole G. D. H. (1920). *Guild socialism restated*.
10. Cole G. D. H. (1919). *Self-government in industry*.
11. Carole Pateman. (1970). *Participation and democratic theory*. Cambridge Univ. Press.
12. Southern R. W. (1953). *The making of the middle ages*. Yale Univ. Press*.
13. Joseph R. Strayer. (1970). *On the medieval origins of the modern state*. Princeton Univ. Press.

⁷¹ National Labor Relations Act, Pub. L. No. 74–198, 49 Stat. 449 (1935), codified as amended at 29 U.S.C. §§ 151–169.

⁷² Occupational Safety and Health Act, Pub. L. No. 91–596, 84 Stat. 1590 (1970), codified as amended at 29 U.S.C. § 651 et seq.

14. Ernst Kantorowicz. (1957). *The king's two bodies: a study in medieval political theology*. Princeton Univ. Press.
15. John Micklethwait, Adrian Wooldrige. (2003). *The company: a short history of a revolutionary idea*. Modern Library.
16. Andreas Televantos. (2020). *Capitalism before corporations: the morality of business associations and the roots of commercial equity and law*. Oxford Univ. Press.
17. Henri Pirenne. (1952). *Medieval cities: their origins and the revival of trade*. Frank D. Halsey, trans.
18. Max Weber. (1978). *Economy and society*. Guenther Roth & Claus Wittich, eds.
19. Tom Holland. (2010). *The Forge of Christendom: The End of Days and the Epic Rise of the West*.
20. John of Salisbury. (1990). *Policraticus: of the frivolities of courtiers and the footprints of philosophers*. Cary J. Nederman, trans.
21. Thomas Hobbes. (1996). *Leviathan 2*. Richard Tuck, ed., Cambridge Univ. Press.
22. Marc Bloch. (1961). *Feudal society*. L. A. Manyon, trans.
23. Heinrich Fichtenau. (1991). *Living in the tenth century: mentalities and social orders*. Patrick J. Geary, trans.
24. F. L. Ganshof. (1963). *Feudalism* (3rd ed.). Philip Grierson, trans.
25. Robert S. Lopez. (1976). *The commercial revolution of the middle ages*. Cambridge Univ. Press.
26. John P. Davis. (1905). *Corporations: a study of the origin and development of great business combinations and their relation to the authority of the state*. G. P. Putnam's Sons.
27. Germain Sicard. (2015). *The Origins of Corporations: The Mills of Toulouse in the Middle Ages*. Matthew Landry, trans.
28. Robert Bartlett. (1994). *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change*. Princeton Univ. Press.
29. David Nicholas. (1997). *The Growth Of The Medieval City: From Late Antiquity To The Early Fourteenth Century* (1st ed.). Routledge.
30. Steven Runciman. (1987). *A History of the Crusades*. Vol. 1: *The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem*. Cambridge Univ. Press.
31. L. S. Robinson. (2003). *Henry IV of Germany, 1056–1106*. Cambridge Univ. Press.
32. W. L. Warren. (1978). *King John* (2nd ed.). Univ. of Cal. Press.
33. Joelle Rollo-Koster. (2015). *Avignon and its Papacy 1309–1417: Popes, Institutions and Society*.
34. F. Donald Logan. (2012). *A History of the Church in the Middle Ages* (2nd ed.). Routledge.
35. John Strickland. (2020). *The Age of Division: Christendom from the Great Schism to the Protestant Reformation*.
36. Owen Chadwick. (1964). *The Reformation*. (1st ed.). Penguin Books.
37. Diarmaid MacCulloch. (2004). *The Reformation: a history* (1st ed.). Viking Adult.
38. Jonathan Dewald. (1996). *The European nobility* (1st ed.). Cambridge Univ. Press.
39. Norbert Elias. (1994). *The civilizing process*. Edwin Jephcott, trans.
40. Michael Rush. (2007). The Decline of the Nobility. In *Democratic representation in Europe: diversity, change and convenience*. Maurizio Cotta & Heinrich Best, eds.
41. Christopher Storrs, H. M. Scott. (2005). The Military Revolution and the European Nobility, 1600–1800. In *Warfare in Europe, 1650–1792*. Jeremy Black, ed.
42. Jeffrey S. Debies-Carl, Christopher M. Huggins. (2009). “City Air Makes Free”: A Multi-Level, Cross-National Analysis of Self-Efficacy. *Soc. Psych. Q.*, 72.
43. Yoram Barzal, Edgar Kiser. (2002). Taxation and Voting Rights in Medieval England and France. *Rationality and Soc'Y*, 14.
44. Bernd Schneidmuller. (2014). Rule by Consensus: Forms and Concepts of Political Order in the European Middle Ages. *Medieval Hist. J.*, 16.
45. Michael Hayden. (1974). *France and the estates general of 1614* (1st ed.). Cambridge Univ. Press.
46. Clyve Jones et al. (2012). *A short history of Parliament*.
47. Maddicott, J. R. *The origins of the English Parliament. 924–1327* (1st ed.). Oxford Univ. Press.
48. Georges Duby. (1980). *The Three Orders: Feudal Society Imagined*. Arthur Goldhammer, trans.
49. Magna Carta. (1992). J. C. Holt ed. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
50. Otto Gierke. (1958). *Political theories of the Middle age*. Frederic Maitland, trans.
51. Arthur Monahan. (1987). *Consent, coercion and limit: the medieval origins of parliamentary democracy* (1st ed.). McGill-Queen's Univ. Press.
52. Gaines Post. (1964). *Studies in medieval legal thought: public law and the state, 1100–1322*.
53. Gaines Post (1950). A Roman Legal Theory of Consent: *Quid Omnes Tagit*. *Wisc. L. Rev.*, 66.
54. Peter Stein. (1999). *Roman Law in European History* (1st ed.). Cambridge Univ. Press.
55. Hermann Kantorowicz. (1969). *Studies in the glossators of the Roman law: newly discovered writings of the 12th century*.
56. Paul Cartledge. (2018). *Democracy: a life*.
57. Ron Harris. (2020). *Going the distance: Eurasian trade and the rise of the business corporation 1400 to 1700*.
58. Christopher Hill. (2021). *The World turned upside down: radical ideas during the English revolution*.

59. James Harrington. (1992). *A System of Politics. In The commonwealth of Oceana and a system of politics*. J. G. A. Pocock, ed.
60. John Lynch (1984). *Spain under the Habsburgs*. Vol. 1: *Empire and Absolutism, 1516–1598* (2nd ed.). New York Univ. Press.
61. Geoffrey Treasure (1967). *Seventeenth century France: a study in Absolutism*.
62. Michael Braddick. (2009). *God's fury, England's fire: a New History of the English Civil Wars*.
63. David R. (2018). *Como, Radical Parliamentarians and the English civil war*.
64. Eveline Cruickshanks. (2000). *The Glorious revolution*.
65. Steve Pincus. (2011). *1688: The First modern revolution*.
66. Edward Vallance. (2008). *The Glorious revolution: 1688: Britain's fight for liberty*.
67. Jeremy Black. (2001). *Walpole in Power*.
68. Brian W. Hill. (1989). *Sir Robert Walpole: Sole and Prime minister* (1st ed.). Penguin.
69. John Morley. (2015). *Walpole: the first Prime minister of Britain*. Lume Books (1889).
70. Aristotle. (2002). *The Athenian Constitution*. P. J. Rhodes, trans.
71. Aristotle. (1952). *Politics*. In *The Works of Aristotle*. Benjamin Jowett, trans.
72. Derek Hirst. (1976). *The representatives of the people? Voters and voting in England under the Early Stuarts*.
73. Charles Seymour. (1915). *Electoral reform in England and Wales*.
74. Edmund Burke. (1999). *Speech at Mr. Burke's Arrival in Bristol*. In *The portable Edmund Burke*. Isaac Kramnick, ed.
75. Hanna Fenichel Pitkin. (1967). *The Concept of Representation*.
76. Paul Langford (1988). *Property and Virtual Representation in Eighteenth Century England*. *Hist. J.*, 31.
77. Winston Churchill. (1958). *A history of the English speaking peoples*. Vol. 4: *The great democracies*.
78. G. M. Trevelyan. (1952). *History of England*, Vol. III.
79. Paul Johnson. (1991). *The Birth of the Modern* (1st ed.). HarperCollins.
80. Edward Porritt. (1894). *The Revolt Against Feudalism in England*. *Pol. Sci. Q.*, 9.
81. Alfred Cobban. (1961). *A History of Modern France*. Vol. 2.
82. Roger Price. (2001). *The French Second Empire: an anatomy of political power*.
83. Charles Sowerwine. (2018). *France since 1870: culture, politics, and society* (3rd ed.). (1960).
84. Chilton Williamson. (1960). *American suffrage: from property to democracy*.
85. Donald Ratcliffe. (2013). *The Right to Vote and the Rise of Democracy, 1787–1828*, *J. Early Republic*, 33.
86. Alexis de Tocqueville. (2000). *Democracy in America*. Harvey C. Mansfield & Delba Winthrop, trans.
87. Robert J. Steinfeld. (1989). *Property and Suffrage in the Early Republic*, *Stan. L. Rev.*, 41.
88. Patricia Grimshaw. (1988). *Women's Suffrage in New Zealand*.
89. Francisco O. Ramirez et al. (1997). *The Changing Logic of Political Citizenship: Cross-National Acquisition of Women's Suffrage Rights, 1890 to 1990*. *Am. Soc. Rev.*, 62.
90. Harold L. Smith. (2009). *The British Women's Suffrage Campaign, 1866–1928* (2nd ed.).
91. Ellen Carol Dubois. (2020). *Suffrage: Women's long battle for the vote*. New York: Simon & Schuster.
92. Doris Weatherford. (2020). *Victory for the Vote: the Fight for Women's Suffrage and The century that Followed*.
93. Edmund Burke. (2016). *Thoughts on the Cause of the Present Discontents; Speech on American Taxation; Speech on Conciliation with the Colonies; Letter to the Sheriffs of Bristol on American Affairs*. In Edmund Burke, *The Imperatives of Empire, and the American Revolution: an Interpretation* (H. G. Callaway, ed.).
94. Marshall C. Eakin. (2007). *The history of Latin America: collision of cultures*.
95. John Charles Chasteen. (2008). *Americanos: Latin America's struggle for independence*.
96. Bipan Chandra et al. (1989). *India's struggle for independence*.
97. Larry Collins, Dominique Lapierre. (1975). *Freedom at midnight* (1st ed.). Book Club Associates.
98. Shiraz Durrani. (2018). *Kenya's War of Independence: Mau Mau and its Legacy of Resistance to Colonialism and Imperialism, 1948–1990*.
99. Jeffrey James Byrne. (2016). *Mecca of revolution: Algeria, decolonization and the Third world order* (1st ed.). Oxford Univ. Press.
100. Matthew Connelly. (2002). *A diplomatic revolution: Algeria's fight for independence and the origins of the post-cold war era*.
101. Frantz Fanon. (1965). *A Dying Colonialism*. Haakon Chevalier, trans.
102. Robert Malley. (1996). *The Call from Algeria: Third Worldism, Revolution, and the Turn to Islam* (1st ed.). Univ. of California Press.
103. Jeff Haynes. (2001). *Democracy In the developing World: Africa, Asia, Latin America and the Middle East* (1st ed.). Polity.
104. Martin Meredith. (2011). *The Fate of Africa: a History of the Continent Since Independence*.
105. Eric W. Robinson. (2015). *Democracy Beyond Athens: Popular Government in the Greek Classical Age*.
106. Arend Lijphart. (1994). *Electoral systems and party systems: a study of twenty-seven democracies, 1945–1990*.
107. Arend Lijphart. (1999). *Patterns of democratic government: forms and performance in thirty-six democracies*.

108. Michael Gallagher. (2005). *The politics of electoral systems*.
109. Eric S. Herron et al. (2018). Terminology and Basic Rules of Electoral Systems. In *The Oxford Handbook of Electoral Systems*.
110. Ludvig Beckman. (2006). Citizenship and Voting Rights: Should Resident Aliens Vote?, *Citizenship Stud.*, 10.
111. Brad K. Blitz. (2009). *Statelessness, Protection Andequality*.
112. Carol A. Batchelor. (1998). Statelessness and the Problem of Resolving Nationality Status. *Int'l J. Refugee L.*, 10.
113. David Archard. (2014). *Children: Rights and Childhood* (3d. ed.). Routledge.
114. Eric Wiland. (2018). Should Children Have the Right to Vote? In *The Palgrave Handbook of Philosophy and Public Policy*. David Boonin, ed.
115. Steven Lecce. (2009). Should Democracy Grow Up? Children and Voting Rights, *Intergenerational JusT. Rev.*, 9.
116. John Wall. (2014). Children and Youth Should Have the Right to Vote. An Argument for Proxy-Claim Suffrage, *Children, Youth & Environments*, 24.
117. Robert W. Bennett. (1999). Should Parents Be Given Extra Votes on Account of Their Children? Toward a Conversational Understanding of American Democracy. *Nw. U. L. Rev.*, 94.
118. Jane Rutherford. (1998). One Child, One Vote: Proxies for Parents. *Minn. L. Rev.*, 82.
119. Paul S. Applebaum. (2000). "I Vote, I Count": Mental Disabilities and the Right to Vote, *Psychiatric Serv.*, 51.
120. Sally Balch Hume, Paul S. Applebaum. (2007). Defining and Assessing Capacity to Vote: The Effect of Mental Impairment on the Right to Vote, *McGeorgel. Rev.*, 38.
121. Michael Nash. (2002). Voting as a Means of Inclusion for People with Mental Illness, *J. Psychiatric & Mental Health Nursing*, 9.
122. Jeff Manza, Christopher Uggen. (2006). *Locked Out: Felon Disenfranchisement And American Democracy*.
123. Pamela S. Karlen. (2004). Convictions and Doubts: Retribution, Representation, and the Debate Over Felon Disenfranchisement, *Stan. L. Rev.*, 56.
124. John Rawls. (1999). *A Theory of Justice §§ 11–13* (2nd rev. ed.). Belknap Press.
125. Ganesh Sitaramin. (2018). *The Crisis OfThe Middle-Class Constitution: Why Economic Inequality Threatens Our Republic*.
126. Joe Soss. (2010). *Remaking America: Democracy And Public Policy In An Age Of Inequality*.
127. Cass R. Sunstein. (2006). *The Second Bill of Rights: Fdr's unfinished Revolution and Why We Need it More Than Ever*.
128. Goran Therborn. (2020). *Inequality and the Labyrinths of Democracy*.
129. Elizabeth Warren. (2017). *This Fight Is Our Fight: How To Save America's Middle Class*. 130. G. W. F. Hegel. (1962). *Philosophy of Right*. T. M. Knox, trans.
131. Jeremy Waldron. (1991). *The Right to Private Property*.
132. Thomas Frank. (2005). *What's the Matter With Kansas: How Conservatives Won the Heart of America*.
133. Heather McGee. (2021). *The Sum of Us: What Racism Costs Everyone and How We Can Prosper Together*.
134. Jonathan M. Metz. (2020). *Dying of Whiteness: How the Politics of Racial Resentment is Killing America's heartland*.
135. Michael Sandel. (2010). *Justice: What's the right thing to do?*
136. Diarmaid McCulloch. (2000). *The Later Reformation in England 1547–1603* (2nd ed.). Red Globe Press.
137. Walter Bagehot. (2009). *The English Constitution* (reissue ed.). Oxford Univ. Press, 1872.
138. Corinne Comstock Weston. (1986). Salisbury and the Lords, 1868–1895. In *Peers, Politics and Power, 1603–1911*. Clyve Jones and David Lewis Jones, eds.
139. Simon Schama. (1990). *Citizens: a Chronicle of the French Revolution*.
140. Timothy Tackett. (1996). *Becoming a Revolutionary: the Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture 1789–1790*.
141. Eric Orts. (2013). *Business Persons: a Legal Theory of The Firm*.
142. Jurgen Habermas. (1987). *The theory of communicative action*. Vol. 2. *Lifeworld and system: a critique of functionalist reason*. Thomas McCarthy, trans.
143. Talcott Parsons. (1971). *The System of Modern Societies*.
144. Jean L. Cohen, Andrew Arato. (1992). *Civil Society and Political theory*.
145. Edmund Husserl. (1970). *The Crisis of the European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenology*. David Carr, trans.
146. Edmund Husserl. (1962). *Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology*. W. R. Boyce Gibson, trans.
147. Adolph A. Berle, Gardiner C. Means. (1932). *The modern corporation and private property*.
148. Frank Easterbrook. (1984). Two Agency Cost Explanations of Dividends. *Am. Econ. Rev.*, 74.
149. Eugene F. Fama. (1980). Agency Problems and the Theory of the Firm. *J. Pol. Econ.*, 88.
150. Eugene F. Fama, Michael C. Jensen. (1983). Agency Problems and Residual Claims. *J. L. & Econ.*, 26.
151. Michael C. Jensen, William H. Meckling. (1976). Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs, and Ownership Structure. *J. Fin. Econ.*, 3.

152. Dambisa Moyo. (2021). How Boards Work: and How They Can Work Better. In *A Chaotic World*.
153. Paul Blumberg. (1968). *Industrial Democracy: the Sociology of Participation*.
154. E. L. Trist. (1963). *Organizational Choice: Capability of Groups at the Coal Face Under Changing Technologies: the Loss, Re-Discovery and Transformation of a Work Tradition*.
155. Olaf Bergqvist. (1982). Worker Participation in Decisions within Undertakings in Sweden. *Comp. Lab. L.*, 5.
156. Clyde Summers. (1984). Worker Participation in Sweden and the United States: Some Comparisons from an American Perspective. *U. Pa. L. Rev.*, 133.
157. J. W. Lorsch, Elizabeth McIver. (2004). Pawns or potentates? The reality of America's corporate boards. In Thomas Clarke, ed., *Theories of corporate governance: the philosophic foundations of corporate governance*.
158. Steven P. Vallas. (2003). The Adventures of Managerial Hegemony: Teamwork, Ideology and Worker Resistance. *Soc. Probs.*, 50.
159. Jean-Jacques Rousseau. (1920). *The Social Contract*. G. D. H. Cole, trans. 1762.
160. Bernard Manin. (1997). *The Principles of Representative Government*.
161. John G. Matsusaka. (2005). Direct Democracy Works. *J. Econ. Persp.*, 19.
162. Alon Brav et al. (2008). Hedge Fund Activism, Corporate Governance and Firm Performance. *J. Fin.*, 63.
163. Roberta Romano. (2001). Less is More: Making Institutional Investor Activism a Valuable Mechanism of Corporate Governance. *Yale J. Reg.**, 18.
164. Lucian Bebchuk, Jesse Fried. (2004). *Pay without Performance: the Unfulfilled Promise of Executive Compensation*.
165. Steven Clifford. (2017). *The Ceo Pay Machine: How it Trashes America and How to Stop It*.
166. Lucian Arye Bebchuk, Jesse M. Fried. (2003). Executive Compensation as an Agency Problem. *J. Econ. Persp.*, 17.
167. David Yermack. (1997). Good Timing: CEO Stock Option Awards and Company News Announcements. *J. Fin.*, 52.
168. Philip L. Cochran et al. (1985). The Composition of Boards of Directors and Incidence of Golden Parachutes. *Acad. MGMT. J.*, 28.
169. Judith C. Machlin et al. (1993). The Effect of Golden Parachutes on Takeover Activity. *J. L. & Econ.*, 36.
170. Alan S. Binder, Mark W. Watson. (2016). Presidents and the US Economy: An Econometric Exploration. *Am. Econ. Rev.*, 106.
171. Oliver Williamson. (1964). *The Economics of Discretionary Behavior: Managerial Objectives in a Theory of the Firm*.
172. Michael Jensen. (1986). Agency Costs of Free Cash Flow, Corporate Finance and Takeovers. *Am. Econ. Rev.*, 76.
173. James F. Davis, et al. (2004). Toward a Stewardship Theory of Management. In Thomas Clarke, ed., *Theories of corporate governance: the philosophic foundations of corporate governance*.
174. Lynn Stout. (2012). *The Shareholder Value Myth: How Putting Shareholders First Harms Investors, Corporations and the Public*.
175. Albert O. Hirschman. (2004). *Exit, Voice and Loyalty*.
176. David Estlund. (2009). *Democratic Authority: A Philosophic Framework*.
177. Daniel S. Kleinberger. (2017). *Examples and explanations for agency, partnership and LLCs* (5th ed.). Wolters Kluwer.
178. Geoffrey Morse. (2015). *Partnership and LLP Law* (8th ed.). Oxford Univ. Press.
179. Kathryn Eden, H. Luke Shaefer. (2016). *\$2.00 a day: living on almost nothing in America*.
180. Barbara Ehrenreich. (2011). *Nickel and Dimed: On (Not) Getting by in America*.
181. Arne L. Kalleberg. (2011). *Good Jobs, Bad Jobs: the Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s to 2000s*.
182. Ronald L. Filippelli. (1994). *Cold War in the Working Class: the Rise and Decline of the United Electrical Workers*.
183. David Witwer, Catherine Rios. (2020). *Murder in the Garment District: the Grip of Organized Crime and the Decline of Labor in the United States*.
184. William T. Dickens, Jonathan S. Leonard. (1985). Accounting for the Decline in Union Membership, 1950–1980. *Ilr Rev.*, 38.
185. C. Timothy Koeller. (1994). Union Activity and the Decline of American Trade Union Membership. *J. Lab. Rsch.*, 15.
186. Alex Taylor Iii. (2010). *Sixty to Zero: an Inside Look at the Collapse of General Motors – and the Detroit Auto Industry*.
187. Rubin E. L. (2021). Extending democracy to corporate governance and beyond: a theory of popular economic sovereignty. *U. Pac. L. Rev.*, 53.

* Принадлежит нежелательной организации в РФ / Belongs to an undesirable organization in the Russian Federation.

Дата поступления / Received 18.10.2021
Дата принятия в печать / Accepted 05.11.2021